



**Российская Федерация  
против  
Анастасии Шевченко**

Октябрь 2021 г.

**TRIALWATCH FAIRNESS REPORT**  
A CLOONEY FOUNDATION **FOR** JUSTICE INITIATIVE

## ОБ АВТОРАХ:

**Катерина Хаджи-Мичева Эванс** - эксперт в области международного права прав человека; более 20 лет она работает с организациями, движениями и правительствами по защите свобод гражданского общества. В качестве исполнительного директора Европейского центра некоммерческого права (с английского - the European Center for Not-for Profit Law (ECNL)) она возглавляет работу по разработке глобальных стандартов и национальных законов о праве на свободу собраний и объединений, о праве участия в них, а также по документированию влияния законодательства разных стран на реализацию этих прав. Благодаря своей работе в ECNL и членству в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) / Бюро демократических институтов и прав человека (БДИПЧ), Панели экспертов по свободе собраний и ассоциации, Хаджи-Мичева Эванс приняла участие в разработке Замечания общего порядка № 37 Комитета ООН по правам человека и Руководящих принципов БДИПЧ по свободе собраний. Благодаря своему членству в Экспертном совете по законодательству об НПО Совета Европы, Хаджи-Мичева Эванс внесла вклад в подготовку нескольких документов и аналитических материалов, в том числе по российскому законодательству. Она также выступала на различных форумах с целью повышения осведомленности о свободе собраний и объединений (например, на TEDx Liberdade, слушаниях в ЕС и ООН).

**Посольство Прав Человека / Human Rights Embassy** - международная правозащитная организация, расположенная в Молдове и осуществляющая свою деятельность в странах бывшего Советского Союза и Европы. Миссия организации заключается в содействии продвижению и соблюдению прав человека во всем мире. Для достижения данной цели Посольство Прав Человека проводит курсы повышения профессиональной квалификации для судей, прокуроров, адвокатов и сотрудников полиции, тренинги по правам человека для неправительственных организаций и средств массовой информации, осуществляет мониторинг судебных процессов, ведет стратегические тяжбы, кампании солидарности в защиту прав адвокатов прав человека и правозащитников, кампании по повышению уровня осведомленности широкой общественности, и адвокаты.

## О ПРОГРАММЕ TRIALWATCH ФОНДА КЛУНИ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

**TrialWatch** представляет собой инициативу Фонда Клуни за Справедливость. Ее миссия - выявлять несправедливость, помогать освобождению несправедливо задержанных и способствовать продвижению верховенства права во всем мире. TrialWatch наблюдает за проводимыми во всем мире уголовными судебными процессами над наиболее уязвимыми лицами, включая - журналистов, протестующих, женщин, представителей ЛГБТК+ сообщества и представителей меньшинств, - и выступает в защиту прав несправедливо осужденных. Со временем TrialWatch будет использовать собранные данные для публикации Глобального рейтинга правосудия, раскрывающего результаты деятельности стран, и использовать его для продвижения системных изменений.

Правовая оценка и выводы, изложенные в настоящем отчете, принадлежат авторам, но не обязательно Фонду Клуни «За справедливость».

## ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ И ВЫВОДЫ



**Катерина Хаджи-Мичева Эванс, которая является членом экспертной группы TrialWatch, присвоила данному судебному разбирательству оценку D:** хотя положительным моментом является то, что судебные слушания по делу были открытыми, низкая оценка обусловлена произволом, условиями и продолжительностью домашнего ареста Шевченко, нарушением ее права на частную жизнь, произвольным применением законов, не соответствующих национальным и международным стандартам в области свободы выражения мнения, свободы объединения и свободы мирных собраний, а также ее осуждением в уголовном порядке, в результате чего она будет продолжать жить в неопределенности и страхе. Процесс в целом привел к серьезному ущербу для нее и ее семьи, а также к лишению ее основных прав.

В период с 17 июня 2020 года по 18 февраля 2021 года Посольство Прав Человека осуществляло мониторинг за ходом судебного процесса над Анастасией Шевченко в Октябрьском районном суде Российской Федерации в рамках программы TrialWatch Фонда Клуни за Справедливость. Шевченко является известной активисткой и бывшим координатором Общественного сетевого движения «Открытая Россия» (ОСД «Открытая Россия»). Это гражданское объединение, которое выступает за продвижение прав человека, верховенство права и политические перемены посредством демократических процессов. Г-жа Шевченко была привлечена к уголовной ответственности и признана виновной на основании Закона Российской Федерации «О нежелательных организациях», предусматривающего, среди прочего, до шести лет лишения свободы за участие в деятельности организации, признанной «нежелательной». Дело против Шевченко представляет собой серьезное нарушение множества ее прав, включая право на личную неприкосновенность, на уважение частной жизни, на презумпцию невиновности, на свободу выражения мнения, на свободу мирных собраний и свободу ассоциации. В более широком понимании уголовное преследование Шевченко отражает сужение пространства для гражданского общества в России согласно законодательству, которое нарушает обязательства России, закрепленные в Международном пакте о гражданских и политических правах и Европейской конвенции по правам человека, участницей которых является Россия.

Необходимо поднять вопрос о нелегитимном использовании Закона «О нежелательных организациях». Термин «нежелательный» определяется нечетко: как все, что представляет угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства. Неточность закона дает властям неограниченную и, следовательно, опасную

свободу усмотрения, позволяя *де-факто* криминализировать любые движения и мнения, не соответствующие планам государства. Об этом наглядно свидетельствует дело Шевченко.

На суде обвинение утверждало, что ОСД «Открытая Россия» было признано нежелательной организацией в соответствии с Законом «О нежелательных организациях» (подробнее об этом см. ниже). Согласно закону, власти могут возбудить уголовное дело против лица, дважды привлекавшегося к административной ответственности за участие в деятельности «нежелательной» организации в течение одного года. Обвинение утверждало, что Шевченко следующим образом «участвовала» в деятельности ОСД «Открытая Россия»: 1) объясняя ненасильственную гражданскую деятельность ОСД «Открытая Россия» на собрании гражданского общества и 2) поднимая флаг с политическим лозунгом «#НАДОЕЛ» на санкционированной и мирной политической акции.

Хотя Октябрьский районный суд установил, что подобными действиями Шевченко умышленно действовала «в целях посягательства на основы конституционного строя и безопасности государства, создавая угрозу защищенности интересов российских граждан»<sup>1</sup>, он так и не объяснил, как именно Шевченко пыталась подорвать государственную безопасность и порядок. Аналогичным образом, в своем изложении дела обвинение не утверждало, что Шевченко планировала конкретные насильственные действия против государства, подстрекала или участвовала в актах насилия против государства или иным образом участвовала в сговоре с целью свержения действующей власти вне процедур, установленных законодательно. Скорее даже конкретные действия, которые легли в основу уголовного обвинения Шевченко, были обычным проявлением гражданской активности и соответствовали заявленным целям и деятельности ОСД «Открытая Россия», а именно достижению позитивных изменений посредством мирных демократических процессов. Учитывая характер действий, в которых участвовала Шевченко, и отсутствие доказательств ее участия в актах насилия, направленных против государства, и/или попыток свергнуть действующую власть, можно сделать вывод о том, что целью преследования Шевченко было наказать ее за критику властей и за акции протеста. Это является нарушением ее права на свободу выражения мнения, свободу мирных собраний и свободу ассоциации.

Карательный характер судебного разбирательства был также продемонстрирован произвольным избранием меры пресечения в виде двух лет строго ограничительного домашнего ареста до и во время всего судебного разбирательства, в течение большей части которого Шевченко, матери-одиночке и опекуну престарелых членов своей семьи, не разрешалось покидать дом даже для выполнения основных жизненных функций. Ей также было отказано в возможности навестить неизлечимо больную дочь вплоть до дня, предшествующего дню ее смерти. Следователи и прокуроры, ходатайствующие о продлении срока

---

<sup>1</sup> Октябрьский районный суд г. Ростова-на-Дону, Приговор [по делу Анастасии Шевченко], 18 февраля 2021 г., стр. 60.

домашнего ареста Шевченко, а также судебные инстанции различных уровней, удовлетворявшие данные ходатайства, неизменно были не в состоянии привести неопровержимые доводы об обоснованности лишения свободы. Фактически не было никаких оснований полагать, что Шевченко могла бы скрыться от правосудия, вмешаться в разбирательство дела или участвовать в преступной деятельности.

Разрешение судов на проведение повсеместного и скрытого видео- и аудио-наблюдения за местом жительства Шевченко (включая видеокамеру, расположенную непосредственно над ее кроватью) в течение пяти месяцев, которому не было никакого оправдания, является еще одним доказательством того, что судебное разбирательство являлось формой возмездия. На видеозаписях видно, как Шевченко разговаривает с членами семьи о гражданской деятельности, внутренних делах ОСД «Открытая Россия» и вопросах личного характера. Периодически камеры фиксировали ее в нижнем белье. Отсутствие какой-либо обоснованности для ведения такого скрытого наблюдения подтверждается тем фактом, что записи, представленные обвинением в суде, не служили доказательством предъявленного обвинения в совершении преступления, а именно умышленного участия в деятельности нежелательной организации. Действительно, обвинение опиралось на общедоступную информацию при построении позиции обвинения. Таким образом, такое наблюдение представляет собой нарушение права Шевченко на уважение частной жизни.

Суд над Шевченко отражает масштабность данного явления и соответствующую неопределенность, порожденную Законом «О нежелательных организациях». В частности, прокуратуре даже не удалось доказать, что данный закон применялся именно к ОСД «Открытая Россия». На суде защита представила показания свидетелей и другие доказательства того, что i) ОСД «Открытая Россия» не связано с британскими организациями «Open Russia», которые ранее были признаны нежелательными Генеральной прокуратурой, как это подтверждено в заявлении, недвусмысленно сделанном представителем данного ведомства, ii) ОСД «Открытая Россия» является не организацией, а объединением, и iii) ОСД «Открытая Россия» не является зарубежной организацией, движение было создано в соответствии с российским законодательством, и его членами являются граждане Российской Федерации. Обвинение не представило конкретных доказательств в опровержение какого-либо из этих пунктов. Вместо этого ряд свидетелей обвинения представили доказательства в поддержку позиции защиты. Например, свидетель обвинения, представлявший Министерство юстиции, заявил, что ОСД «Открытая Россия», по всей видимости, является российским объединением. Тем не менее в обвинительном приговоре суд проигнорировал все доказательства в этой связи (иногда прямо на основании того, что они противоречили позиции государства), что указывает на то, что исход дела был predetermined. Это явилось нарушением права Шевченко на презумпцию невиновности.

Дело Шевченко наглядно демонстрирует, как российские власти используют Закон «О нежелательных организациях» для достижения любых желаемых результатов в

соответствии с целями правящей партии. Поскольку судебная и исполнительная власть действуют согласованно, подобное законодательство может распространяться практически на любых лиц и/или на любые организации, которые считаются раздражающими или препятствующими президенту России Путину и его союзникам. Недавние усилия по расширению действия Закона «О нежелательных организациях» позволяют предположить, что, дело Шевченко может оказаться лишь вершиной айсберга: вполне вероятно, что политически мотивированное возмездие, осуществляемое в соответствии с этим законом, будет усиливаться, если только международное сообщество не предпримет более решительных действий.

Следовательно, несмотря на растущее давление и препятствия, международное сообщество должно продолжать осуждать российские законы, негативно влияющие на свободу выражения мнений, мирных собраний и объединений; финансировать местных правозащитников и группы гражданского общества для ведения стратегических тяжб по таким делам, уделяя особое внимание обучению и финансированию адвокатов; а также поддерживать местных акторов в принятии мер по защите и предотвращению слежки и нападениям в их адрес. Государства должны либо инициировать, либо расширить санкции в области прав человека против высокопоставленных российских чиновников, чтобы обеспечить быструю, скоординированную и целенаправленную реакцию на нарушения свободы ассоциации, мирных собраний, выражения мнения и информации. Они должны включать запреты на выезд и замораживание активов должностных лиц, ответственных за нарушение этих прав как часть репрессий против гражданского общества.



## А. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ

### *Подавление и наблюдение за инакомыслием в Российской Федерации*

Уголовное дело против Шевченко проходило в ситуации увеличивающейся враждебности по отношению к активистам оппозиции и правозащитникам в России. За последнее десятилетие российские власти развернули кампанию против несогласных, и она продолжает набирать обороты.

Хотя свобода выражения мнения защищена Конституцией Российской Федерации<sup>2</sup>, люди, критикующие правительство, сталкиваются с задержаниями, уголовными обвинениями и иными формами преследования<sup>3</sup>, включая обыски в их домах и офисах.<sup>4</sup> С этой целью российское правительство приняло закон, облегчающий преследование активистов<sup>5</sup> и призванный, по словам журнала *The Economist*, «принудить» оппозицию и гражданское общество к подчинению / повиновению.<sup>6</sup>

Развитая система наблюдения, включая «неограниченный» мониторинг активности отдельных лиц в сети Интернет, способствовала разработке ограничительного законодательства и криминализации инакомыслия.<sup>7</sup> В последние годы лидеры оппозиции, независимые журналисты и активисты обнаружили, что их

<sup>2</sup> Конституция Российской Федерации, ст. 29(1).

<sup>3</sup> См. Государственный департамент США, «Доклады о положении с правами человека в странах мира за 2020 год», 30 марта 2021 г., стр. 21. Доступно по адресу: <https://www.state.gov/reports/2020-country-reports-on-human-rights-practices/russia/>; Amnesty International, «Отчет компании Amnesty International за 2020/2021 гг.: соблюдение прав человека в мире», 2021, стр. 304–305. Доступно по адресу: <https://www.amnesty.org/download/Documents/POL1032022021ENGLISH.PDF>; Human Rights Watch, «Московская полиция арестовала почти 200 человек по обвинениям в нарушении Закона «О нежелательных организациях», 15 марта 2021 г. Доступно по адресу: <https://www.hrw.org/news/2021/03/15/moscow-police-arrest-nearly-200-undesirable-charges>.

<sup>4</sup> См. Reuters, «В России задержано более 1 000 человек в ходе подавления оппозиции», 26 июля 2019 г., Доступно по адресу: <https://www.reuters.com/article/us-russia-politics-protests-idUSKCN1UM08H>; The Guardian, «Российская полиция проводит массовые рейды против активистов оппозиции», 12 сентября 2019 г. Доступно по адресу: <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/12/russian-police-raid-homes-and-offices-of-opposition-activists>; The Washington Post, «Российская полиция обыскивает дома и офисы активистов оппозиции», 9 июля 2020 г. Доступно по адресу:

[https://www.washingtonpost.com/world/europe/russian-police-raid-homes-offices-of-opposition-activists/2020/07/09/11bd1f30-c1ed-11ea-8908-68a2b9eae9e0\\_story.html](https://www.washingtonpost.com/world/europe/russian-police-raid-homes-offices-of-opposition-activists/2020/07/09/11bd1f30-c1ed-11ea-8908-68a2b9eae9e0_story.html); Amnesty International, «Права человека в Восточной Европе и Центральной Азии - обзор за 2019 год», 16 апреля 2020 г., стр. 26. Доступно по адресу: <https://www.amnesty.org/en/documents/eur01/1355/2020/en/>.

<sup>5</sup> Amnesty International, «Права человека в Восточной Европе и Центральной Азии - обзор за 2019 год», 16 апреля 2020 г., стр. 25–26.

<sup>6</sup> См. *The Economist*, «Не можешь запретить – прижми: Кремль строит правовую основу авторитарного правления», 21 июля 2012 г. Доступно по адресу:

<https://www.economist.com/europe/2012/07/21/if-you-cant-suppress-them-squeeze-them>.

<sup>7</sup> См. Brookings Institute, «Краткий обзор политики, экспорт цифрового авторитаризма: российская и китайская модели», 2019 г., стр. 6, 8. Доступно по адресу: [https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/08/FP\\_20190827\\_digital\\_authoritarianism\\_polyakova\\_meserole.pdf](https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/08/FP_20190827_digital_authoritarianism_polyakova_meserole.pdf).

деятельность, как публичная, так и частная, подлежит «тотальному надзору».<sup>8</sup> Совсем недавно российское правительство запустило систему распознавания лиц на основе искусственного интеллекта и сотен тысяч камер видеонаблюдения, установленных в крупных городах, таких как Москва<sup>9</sup>, для подавления несогласных, в том числе путем выявления и задержания активистов по пути на антиправительственные протесты.<sup>10</sup>

### *Закон «Об иностранных агентах» 2012 года*

Важным шагом в этой *де-факто* криминализации российского гражданского общества стало принятие в 2012 году Закона «Об иностранных агентах».<sup>11</sup> Среди прочего, закон требует, чтобы неправительственные организации (НПО), которые занимаются «политической деятельностью» и получают любую сумму из иностранных источников, регистрировались в Министерстве юстиции в качестве «иностранцев».<sup>12</sup> Организация «признается участвующей в политической деятельности, если независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах, она участвует (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях».<sup>13</sup> Как отмечает Совет Европы и другие организации, под это

<sup>8</sup> См. Государственный департамент США, «Доклады о положении с правами человека в странах мира за 2019 год», 2020, стр. 19. Доступно по адресу: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/03/RUSSIA-2019-HUMAN-RIGHTS-REPORT.pdf> (с выводами отчета, подготовленного Международной правозащитной группой «Агора»).

<sup>9</sup> Сообщается, что на январь 2021 года в Москве использовалось 193 000 камер видеонаблюдения. См. Радио «Свобода», «Мы тебя видим!: как Россия расширила систему видеонаблюдения», 19 января 2021 г. Доступно по адресу: <https://www.rferl.org/a/russia-video-surveillance/31052482.html>.

<sup>10</sup> Reuters, «Фейсконтроль: российская полиция использует цифровые технологии против протестующих», 11 февраля 2021 г. Доступно по адресу: <https://www.reuters.com/article/us-russia-politics-navalny-tech-idUSKBN2AB1U2>.

<sup>11</sup> Российская Федерация, Федеральный закон № 121-ФЗ от 20 июля 2012 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Закон «Об иностранных агентах» внес ряд поправок в различные кодексы.

<sup>12</sup> См. Комиссар Совета Европы по правам человека, «Письменные Замечания Комиссара Совета Европы по правам человека в качестве третьей стороны», 5 июля 2017 г., пп. 7-8. Доступно по адресу: <https://rm.coe.int/third-party-intervention-by-the-council-of-europe-commissioner-for-hum/1680731087>. См. также BBC News, «Согласно новому закону, физических лиц в России называют «иностранцами агентами», 3 декабря 2019 г. Доступно по адресу:

<sup>12</sup><https://www.bbc.com/news/world-europe-50643705> (где объясняется, что «в советское время «[и]ностранцами агентами» называли политических диссидентов в качестве оскорбления»); Совет Европы, «Экспертный совет по законодательству об НПО Совета Европы - заключение о совместимости с европейскими стандартами недавно принятых и планируемых изменений в российском законодательстве, затрагивающих НПО», 19 февраля 2021 г. Доступно по адресу: <https://rm.coe.int/expert-council-conf-exp-2021-1-opinion-amendments-to-russian-legislati/1680a17b75>; The Economist, «Поставить на место: Владимир Путин подвергается критике за рубежом за репрессивные законы в России», 13 апреля 2013 г. Доступно по адресу: <https://www.economist.com/europe/2013/04/13/put-in-his-place>.

<sup>13</sup> Комиссар Совета Европы по правам человека, «Письменные Замечания Комиссара Совета Европы по правам человека в качестве третьей стороны», 5 июля 2017 г., п. 10.



определение подпадает повседневная деятельность, осуществляемая гражданским обществом и правозащитными группами.<sup>14</sup>

В 2014 году Государственная Дума Российской Федерации приняла поправки, которые позволили Министерству юстиции самостоятельно вносить НПО в реестр.<sup>15</sup> Попав в данный реестр, организации и их члены могут столкнуться с санкциями за несоблюдение таких требований как маркировка их публикаций в качестве выпущенных иностранным агентом, а также соблюдение трудоемких правил ведения отчетности и бухгалтерского учета.<sup>16</sup> «Злонамеренное несоблюдение» данных требований может повлечь за собой до двух лет лишения свободы.<sup>17</sup> После принятия Закона «Об иностранных агентах» условия работы правозащитников в России «значительно ухудшились».<sup>18</sup>

Данный закон вызвал общее осуждение как на международном, так и на региональном уровнях. Комиссар Совета Европы по правам человека заявил, что закон «допускает возможность неправомерного использования в качестве репрессивного инструмента, направленного против правозащитников»<sup>19</sup> и необоснованно нарушает основные права, такие как право на свободу выражения

---

<sup>14</sup> См. Совет Европы, «Экспертный совет по законодательству об НПО Совета Европы — заключение о совместимости с европейскими стандартами недавно принятых и планируемых изменений в российском законодательстве, затрагивающих НПО», 19 февраля 2021 г., п. 103 («Как подчеркнул Комиссар Совета Европы по правам человека, «деятельность, квалифицируемая Законом об иностранных агентах как «политическая», является одним из наиболее часто практикуемых, основных и естественных методов работы институтов гражданского общества. Более того, такая деятельность является важным элементом демократического процесса. По мнению Комиссара, применение Закона об иностранных агентах против групп гражданского общества, выступающих за изменения в законодательстве и практике, или против тех, кто следит за соблюдением прав человека в решениях, действиях и политике государственных органов, в значительной мере подрывает их роль общественного наблюдателя в демократическом обществе»). См. также Human Rights Watch, «Россия: правительство против правозащитных групп», 18 июня 2018 г. Доступно по адресу: <https://www.hrw.org/russia-government-against-rights-groups-battle-chronicle>.

<sup>15</sup> Amnesty International, «Нечестная игра: преследование правозащитников в России усиливается», 2019, стр. 19. Доступно по адресу: <https://www.amnesty.org/download/Documents/EUR4609502019ENGLISH.pdf>.

<sup>16</sup> См. там же; Совет Европы, «Экспертный совет по законодательству об НПО Совета Европы — заключение о совместимости с европейскими стандартами недавно принятых и планируемых изменений в российском законодательстве, затрагивающих НПО», 19 февраля 2021, пп. 8, 15; Комиссар Совета Европы по правам человека, «Письменные замечания Комиссара Совета Европы по правам человека в качестве третьей стороны», 5 июля 2017 г., п. 7.

<sup>17</sup> См. Amnesty International, «Серьезное притеснение прав человека в России: новости Совета Европы», 18 февраля 2021 г., стр. 3. Доступно по адресу: <https://www.amnesty.eu/wp-content/uploads/2021/02/AICoEbriefingRussia18Feb2021.pdf>.

<sup>18</sup> Парламентская ассамблея Совета Европы, «Усиление защиты и повышение роли правозащитников в государствах-членах Совета Европы», 11 января 2016 г., п. 18. Доступно по адресу: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=22309&lang=en>.

<sup>19</sup> Комиссар Совета Европы по правам человека, «Заключение Комиссара по правам человека - Законодательство и правоприменительная практика в Российской Федерации в отношении некоммерческих организаций с учетом стандартов Совета Европы: обновление», 9 июля 2015 г., п. 48. Доступно по адресу: <https://rm.coe.int/opinion-of-the-commissioner-for-human-rights-on-the-legislation-and-pr/16806da772>.

мнений и свободу объединений.<sup>20</sup> Парламентская ассамблея Совета Европы также охарактеризовала закон как «ограничивающий доступ средств массовой информации и гражданского общества к независимому финансированию, порочащий их репутацию и препятствующий их деятельности, тем самым препятствующий осуществлению основных свобод и сокращая пространство для независимых и инакомыслящих лиц в России».<sup>21</sup> Human Rights Watch,<sup>22</sup> Amnesty International<sup>23</sup> и другие организации призвали к отмене закона.

Тем не менее, российское правительство не только не согласилось сузить сферу действия закона или отменить его, но и периодически вносило в него поправки<sup>24</sup>, чтобы создать более широкую сеть охвата, что организация Freedom House назвала «беспощадной кампанией».<sup>25</sup> Государственная Дума расширила сферу действия закона, в 2017 году причислив также все иностранные СМИ, прямо или косвенно получающие финансирование из-за рубежа<sup>26</sup>, а в 2019 году — частных лиц, в том числе блогеров и независимых журналистов, которые «распространяют информацию среди неопределенного количества людей».<sup>27</sup> В декабре 2020 года законодательный орган вновь внес поправки в закон, чтобы, среди прочего, распространить его действие на всех физических лиц, а также на «общественные объединения» (движения и инициативы гражданского общества, не имеющие

---

<sup>20</sup> Комиссар Совета Европы по правам человека, «Письменные Замечания Комиссара Совета Европы по правам человека в качестве третьей стороны», 5 июля 2017 г., п. 12.

<sup>21</sup> См. Парламентская ассамблея Совета Европы, «Резолюция от 19 декабря 2019 г. о Законе Российской Федерации «Об иностранных агентах», 29 декабря 2019 г., п. Н. Доступно по адресу: [https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0108\\_EN.html](https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0108_EN.html).

<sup>22</sup> См. Human Rights Watch, «Россия: правозащитнику предъявлено уголовное обвинение», 15 июля 2020 г. Доступно по адресу: <https://www.hrw.org/news/2020/07/15/russia-rights-defender-faces-criminal-charges>.

<sup>23</sup> См. Amnesty International, «Россия усиливает наступление на свободу объединений», 4 августа 2015 г., стр. 4. Доступно по адресу: <https://www.amnesty.org/download/Documents/EUR4622232015ENGLISH.pdf>.

<sup>24</sup> См. Совет Европы, «Экспертный совет по законодательству об НПО Совета Европы — заключение о совместимости с европейскими стандартами недавно принятых и планируемых изменений в российском законодательстве, затрагивающих НПО», 19 февраля 2021, пп. 14–15.

<sup>25</sup> См. Freedom House, «Свобода в мире 2021 года: Россия». Доступно по адресу: <https://freedomhouse.org/country/russia/freedom-world/2021> (где утверждается, что «в декабре 2020 года Путин расширил положения закона об иностранных агентах, признав физических лиц и неформальные организации потенциальными иностранными агентами... Закон также расширяет определение «иностранной поддержки» за пределы финансирования и возлагает на частных лиц обязанность самостоятельно декларировать свой статус иностранного агента, иначе им грозят штрафы или тюремное заключение».)

<sup>26</sup> См. Совет Европы, «Экспертный совет по законодательству об НПО Совета Европы — заключение о совместимости с европейскими стандартами недавно принятых и планируемых изменений в российском законодательстве, затрагивающих НПО», 19 февраля 2021 г., п. 14. См. также радио «Свобода», «Наблюдательные журналисты предупреждают, что Россия «убивает» независимые СМИ», 16 июня 2021 г. Доступно по адресу: <https://www.rferl.org/a/russia-independent-media-foreign-agents-rsf/31311354.html>.

<sup>27</sup> Human Rights Watch, «Россия: Закон «Об иностранных агентах» угрожает журналистам», 18 ноября 2019 г. Доступно по адресу: <https://www.hrw.org/news/2019/11/18/russia-foreign-agents-bill-threatens-journalists#>. См. также Совет Европы, «Экспертный совет по законодательству об НПО Совета Европы — заключение о совместимости с европейскими стандартами недавно принятых и планируемых изменений в российском законодательстве, затрагивающих НПО», 19 февраля 2021 г., п. 15.

официальной регистрации), и ужесточить санкции в определенных случаях.<sup>28</sup> Как и в случае с первоначальной версией закона, эти поправки вызвали резкое осуждение со стороны международных и национальных организаций и учреждений. Например, по мнению Совета Европы, данные поправки «усугубили враждебную среду для работы НПО» и «поставили под сомнение саму сущность прав, гарантированных ст.8 [право на уважение частной жизни], ст.10 [свобода выражения мнения] и ст.11 [свобода собраний и объединений] Европейской конвенции».<sup>29</sup>

По состоянию на конец 2020 года 75 групп было классифицировано правительством как «иностранные агенты».<sup>30</sup> Примечательно, что ярлык «иностранный агент» использовался для дискредитации деятельности правозащитных организаций и иных форм объединений гражданского общества.<sup>31</sup> Результатом принятия этого закона стало закрытие многих таких организаций.<sup>32</sup> Журналисты и информационные компании также испытывают большие трудности: в конце 2020 года двух журналистов «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» обязали зарегистрироваться в качестве иностранных агентов, а с января 2021 года издание «пострадало... от наложенных штрафов на общую сумму почти в 2,4 миллиона долларов в результате выявленных 520 нарушений».<sup>33</sup>

Полностью поддерживая положения Закона «Об иностранных агентах», в 2014 году Конституционный суд Российской Федерации пришел к выводу, что данный закон не противоречит основному праву на свободу объединений и что термин «иностранный агент» является нейтральным.<sup>34</sup>

---

<sup>28</sup> Amnesty International, «Серьезное притеснение прав человека в России: новости Совета Европы», 18 февраля 2021 г., стр. 3–4.

<sup>29</sup> Совет Европы, «Экспертный совет по законодательству об НПО — заключение о совместимости с европейскими стандартами недавно принятых и планируемых изменений в российском законодательстве, затрагивающих НПО», 19 февраля 2021 г., пп. 132, 134.

<sup>30</sup> Freedom House, «Свобода в мире 2021 года: Россия».

<sup>31</sup> Amnesty International, «Нечестная игра: преследование правозащитников в России усиливается», 2019, стр. 19; Комиссар Совета Европы по правам человека, «Заключение Комиссара по правам человека о законодательстве Российской Федерации о некоммерческих организациях с учетом стандартов Совета Европы», 15 июля 2013 г., п. 57. Доступно по адресу: <https://rm.coe.int/16806da5b2>.

<sup>32</sup> Amnesty International, «Нечестная игра: преследование правозащитников в России усиливается», 2019, стр. 19–20; Amnesty International, «Россия усиливает наступление на свободу объединений», 4 августа 2015 г., стр. 2; Комиссар Совета Европы по правам человека, «Письменные замечания Комиссара Совета Европы по правам человека в качестве третьей стороны», 5 июля 2017 г., п. 41.

<sup>33</sup> Голос Америки, «Россия использует закон об иностранных агентах для атаки на журналистику, говорят СМИ», 10 июня 2021 г. Доступно по адресу: <https://www.voanews.com/press-freedom/russia-using-foreign-agent-law-attack-journalism-media-say>. См. также радио «Свобода», «Наблюдательные журналисты предупреждают, что Россия «убивает» независимые СМИ», 16 июня 2021 г.

<sup>34</sup> Решение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г., № 10-П. Доступно по адресу: <https://rg.ru/2014/04/18/ks-dok.html>. См. также Amnesty International, «Россия усиливает наступление на свободу объединений», 4 августа 2015 г., стр. 2.

## Закон «О нежелательных организациях» 2015 года

Закон «О нежелательных организациях»<sup>35</sup>, принятый в 2015 году, также является одним из «инструментов, используемых российским правительством для заключения в тюрьму правозащитников и активистов».<sup>36</sup> Этот закон внес новые положения в ряд законодательных актов, включая Кодексы об уголовных<sup>37</sup> и административных правонарушениях<sup>38</sup>, с целью введения санкций в отношении участия в деятельности или управлении «иностранными или международными неправительственными организациями», признанными «нежелательными» российскими государственными органами. Вопрос классификации организации как «нежелательной», деятельность которой определена как представляющая угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства, относится к компетенции Генеральной прокуратуры. Генеральная прокуратура направляет свое решение в Министерство юстиции, которое впоследствии обнародует на официальном сайте ведомства информацию о том, что организация была классифицирована как «нежелательная».<sup>39</sup> Если в течение одного года физическое лицо совершает два административных правонарушения, связанных с руководством или участием в деятельности «нежелательной» организации (административные нарушения влекут за собой штрафы), это лицо может быть подвергнуто уголовному преследованию и наказанию в виде лишения свободы сроком до шести лет, если оно продолжит руководить или участвовать в такой деятельности.<sup>40</sup>

Закон «О нежелательных организациях» подвергся широкой критике. Например, Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) пришла к выводу, что из-за «отсутствия конкретных критериев/запретов в

---

<sup>35</sup> Российская Федерация, Федеральный закон № 129-ФЗ от 23 мая 2015 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее «Закон о нежелательных организациях»).

<sup>36</sup> Amnesty International, «Россия: первое уголовное дело по Закону «О нежелательных организациях» знаменует новый уровень репрессий», 21 января 2019 г., стр. 3. Доступно по адресу: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2019/01/russia-the-first-criminal-case-under-the-undesirable-organizations-law-marks-a-new-level-of-repression/>.

<sup>37</sup> Закон «О нежелательных организациях» ввел статью 284.1 Уголовного кодекса «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании ее деятельности нежелательной на территории Российской Федерации». Согласно этой статье, если физическое лицо уже совершило два административных правонарушения в течение одного года, руководство или участие в деятельности «нежелательной» организации может привести к лишению свободы на срок до шести лет.

<sup>38</sup> Закон «О нежелательных организациях» ввел статью 20.33 Кодекса об административных правонарушениях «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организацией, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности», согласно которой руководство или участие в деятельности «нежелательной» организации грозит штрафом до 15 000 рублей для физических лиц и до 100 000 рублей для юридических лиц.

<sup>39</sup> См. Amnesty International, «Россия усиливает наступление на свободу объединений», 4 августа 2015 г., стр. 3; Заметки наблюдателя, 10 декабря 2020 г.

<sup>40</sup> Уголовный кодекс Российской Федерации, статья 284.1.

отношении неправомерных действий НПО, а также из-за расплывчатости и неточности формулировок, на основании которых деятельность иностранной или международной НПО может быть признана «нежелательной», Федеральный закон нельзя считать соответствующим требованиям законности, установленным Конвенцией, и необоснованно ущемляет свободу выражения мнений, мирных собраний и объединений.<sup>41</sup> Экспертный совет по законодательству об НПО, являющийся частью Конференции международных неправительственных организаций Совета Европы, также пришел к выводу, что закон неэффективен во многих областях, заявив, что его столь широкие основания чреватые «такой произвольной трактовкой, которая не может быть исправлена посредством правового контроля» и, следовательно, несовместимым с Европейской конвенцией по правам человека.<sup>42</sup> Совет далее отметил, что абсолютный запрет на распространение любых материалов, связанных с «нежелательной» организацией, независимо от их содержания, представляет собой необоснованное вмешательство в право на свободу выражения мнения в соответствии с Конвенцией.<sup>43</sup>

Правозащитные организации также прокомментировали закон, при этом компания Amnesty International заявила, что он был «специально разработан для ограничения свободы выражения мнения и объединений»<sup>44</sup>. Представители Human Rights Watch считают, что цель закона – «выжать все соки из российского гражданского общества», преследуя «российских активистов и российские группы», и изолировать их от международных партнеров.<sup>45</sup>

Многие организации были оштрафованы в соответствии с Законом «О нежелательных организациях», а связанные с такими организациями лица были задержаны, оштрафованы и/или привлечены к ответственности.<sup>46</sup> Лица,

---

<sup>41</sup> Венецианская комиссия, «Заключение по Федеральному закону № 129-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты (Федеральный закон «О нежелательной деятельности иностранных и международных неправительственных организаций)», Заключение № 814/2015, 13 июня 2016 г., пп. 41, 59, 61–62. Доступно по адресу: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)020-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)020-e).

<sup>42</sup> См. Конференция МНПО Совета Европы, «Заключение Экспертного совета по законодательству об НПО по Федеральному закону № 129-ФЗ от 23 мая 2015 г. «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (Закон «О нежелательных организациях»), ноябрь 2015 г., п. 71. Доступно по адресу: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016804902de>.

<sup>43</sup> См. там же, п. 73.

<sup>44</sup> Amnesty International: «Россия начинает заносить в черный список «нежелательные» организации», 28 июля 2015 г. Доступно по адресу: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2015/07/russia-begins-blacklisting-undesirable-organizations/>. См. также Human Rights Watch, «Россия: преследование «нежелательных» активистов», 18 января 2020 г. Доступно по адресу: <https://www.hrw.org/news/2020/01/18/russia-persecution-undesirable-activists>.

<sup>45</sup> См. Human Rights Watch, «Российское гражданское общество признано «нежелательным», 20 мая 2015 г. Доступно по адресу: <https://www.hrw.org/news/2015/05/20/russian-civil-society-deemed-undesirable>.

<sup>46</sup> См. Парламентская ассамблея Совета Европы, «Отчет: ограничения деятельности НПО в государствах-членах Совета Европы», док. 15205, 6 января 2021 г., пп. 18–19. Доступно по адресу:

подвергшиеся санкциям за «участие» в деятельности «нежелательной» организации, среди прочего, делали репосты статей, связанных с «нежелательной» организацией, ссылок на (уже несуществующий) веб-сайт «нежелательной» организации и проводили одиночные пикеты.<sup>47</sup> Как задокументировано такими организациями как Парламентская ассамблея Совета Европы, этот закон вынудил закрыть местные НПО, финансируемые из-за рубежа, а также «прекратить деятельность крупных международных и иностранных доноров, которые поддерживали деятельность российских НПО».<sup>48</sup>

В июне 2021 года Государственная Дума одобрила законопроект, расширяющий определение нежелательных организаций на «любые иностранные или международные НПО, которые оказывают посреднические услуги при проведении операций с денежными средствами и (или) иным имуществом, принадлежащим НПО, имеющим статус нежелательной организации в России». Это налагает «запрет на участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации за пределами территории Российской Федерации граждан Российской Федерации, лиц без гражданства, постоянно проживающих в Российской Федерации, и российских юридических лиц».<sup>49</sup>

Также в июне Государственная дума одобрила законопроект, который позволит властям возбуждать уголовные дела против лиц без административной преюдиции за выполнение ими руководящих функций в нежелательной организации, подвергая таких лиц потенциальному уголовному наказанию на срок до шести лет лишения свободы, и возбуждать уголовные дела в отношении лиц, совершивших только одно административное правонарушение в прошлом, за связь с нежелательной организацией, с потенциальным уголовным наказанием на срок до четырех лет лишения свободы.<sup>50</sup> «Согласно другой поправке, введена уголовная ответственность любого лица за финансирование «нежелательных» организаций, сбор средств для них или оказание им неких «финансовых услуг». При этом уголовные дела по данному обвинению также можно будет возбуждать сразу, с наказанием до пяти лет лишения свободы.»<sup>51</sup> Оба вышеупомянутых законопроекта

---

<sup>46</sup><https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=28906&lang=en>; Amnesty International, «Права человека в Восточной Европе и Центральной Азии — обзор за 2019 г.», 16 апреля 2020 г., стр. 4, 25–26; Amnesty International, «Нечестная игра: преследование правозащитников в России усиливается», 2019, стр. 21–22.

<sup>47</sup> См. Парламентская ассамблея Совета Европы, «Отчет: ограничения деятельности НПО в государствах-членах Совета Европы», док. 15205, 6 января 2021 г., п. 19; Государственный департамент США, «Доклады о положении с правами человека в странах мира за 2020 год», 30 марта 2021 г., стр. 37–38.

<sup>48</sup> См. Парламентская ассамблея Совета Европы, «Новые ограничения деятельности НПО в государствах-членах Совета Европы», Резолюция № 2226, 27 июня 2018 г., п. 7. Доступно по адресу: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=24943&lang=en>.

<sup>49</sup> Радио «Свобода», «Утвержден российский законопроект, расширяющий Закон „О нежелательных организациях“», 9 июня 2021 г. Доступно по адресу: <https://www.rferl.org/a/russian-lawmakers-bill-undesirable-organizations/31298911.html>.

<sup>50</sup> Human Rights Watch, «Законопроект о «нежелательных» организациях расширяет зону риска для активистов», 18 июня 2021 г. Доступно по адресу: <https://www.hrw.org/ru/news/2021/06/18/378990>.

<sup>51</sup> Там же.

были одобрены верхней палатой законодательного органа и подписаны президентом Путиным.<sup>52</sup> По состоянию на июнь 2021 года в список «нежелательных» входили 40 организаций, охватывающих широкий круг представителей гражданского общества в России.<sup>53</sup>

### *Открытая Россия*

Организации OR (Otkrytaya Rossia) («Открытая Россия») (Великобритания) и Open Russia Civic Movement, Open Russia (Общественное сетевое движение «Открытая Россия») (Великобритания) были добавлены в список «нежелательных» 26 апреля 2017 г.<sup>54</sup> В тот же день представитель Генеральной прокуратуры заявил, что данное решение не касается базирующегося в России Общественного сетевого движения (ОСД) «Открытая Россия», в отличие от предположительно зарегистрированных в Великобритании организаций (подробнее об этом ниже).<sup>55</sup> На следующий день, тем не менее, сотрудники спецподразделения МВД провели обыск в офисах ОСД «Открытая Россия» в Москве, что, по мнению наблюдателей, было связано с предстоящими общенациональными акциями протеста против коррупции, организованными движением.<sup>56</sup> В декабре 2017 года правительство России заблокировало сайт компании.<sup>57</sup>

С тех пор власти постоянно усиливают давление на журналистов и активистов, которых подозревают в связи с движением,<sup>58</sup> что часто приводит к трагическим

---

<sup>52</sup> Радио «Свобода», «Путин подписал закон, криминализирующий связи с «нежелательными» организациями», 29 июня 2021 г. Доступно по адресу: <https://www.rferl.org/a/russian-lawmakers-bill-undesirable-organizations/31331290.html>.

<sup>53</sup> Министерство юстиции Российской Федерации, «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации», обновлен 9 июня 2021 г. Доступно по адресу: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>.

<sup>54</sup> Генеральная прокуратура Российской Федерации, «Генеральная прокуратура Российской Федерации приняла решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации деятельности ряда иностранных неправительственных организаций», 26 апреля 2017 г. Доступно по адресу: <http://genproc.gov.ru/smi/news/news-1186636/>; Министерство юстиции Российской Федерации, «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации», обновлен 9 июля 2021 г.

<sup>55</sup> Эхо Москвы, «Генпрокуратура признала нежелательными две организации под названием «Открытая Россия», 26 апреля 2017 г. Доступно по адресу: <https://echo.msk.ru/news/1970616-echo.html>.

<sup>56</sup> Радио «Свобода», «Давление усиливается: полиция обыскивает московский офис НПО Ходорковского», 27 апреля 2017 г. Доступно по адресу: <https://www.rferl.org/a/russia-moscow-police-search-khodorkovsky-ngo-office/28455615.html>.

<sup>57</sup> The Moscow Times, «Россия блокирует веб-сайт «Открытой России» Ходорковского», 12 декабря 2017 г. Доступно по адресу: <https://www.themoscowtimes.com/2017/12/12/russia-bans-khodorkovskys-open-russia-website-a59906>.

<sup>58</sup> См. Медуза, «Судебные процессы над «Открытой Россией»: как российское правительство использует законы против «нежелательных организаций» для преследования активистов одной правозащитной группы», 24 апреля 2019 г. Доступно по адресу: <https://meduza.io/en/feature/2019/04/24/the-trials-of-open-russia>. См. также Amnesty International, «Россия: жестокие обвинения против активиста, поддерживавшего задержанного коллегу», 31 января 2019 г. Доступно по адресу: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2019/01/russia-heartless->

последствиям. В октябре 2020 года Ирина Славина, главный редактор независимого информационного интернет-портала, скончалась в результате акта самосожжения перед зданием полиции в Нижнем Новгороде.<sup>59</sup> В течение нескольких лет до этого она постоянно подвергалась преследованиям, включая административные преследования за ее журналистскую и политическую деятельность.<sup>60</sup> За день до ее смерти власти провели обыск в ее доме в поисках доказательств ее связей с ОСД «Открытая Россия» в рамках уголовного расследования в соответствии с законом «О нежелательных организациях».<sup>61</sup>

Правительство продолжает регулярно арестовывать, предъявлять обвинения и задерживать членов движения.<sup>62</sup> Совсем недавно, в марте 2021 года, власти вновь провели обыск в офисах ОСД «Открытая Россия» в Москве.<sup>63</sup> В мае 2021 года ОСД «Открытая Россия» объявило о «прекращении своей деятельности после того, как движение стало испытывать растущее давление со стороны российских властей» и «чтобы защитить своих членов от судебного преследования».<sup>64</sup>

### *Произвольный арест и незаконное лишение свободы*

Российские власти регулярно арестовывают и задерживают лидеров оппозиции, активистов гражданского общества и правозащитников, такую практику стало легче оправдывать с принятием Законов «Об иностранных агентах» и «О нежелательных организациях». Как отмечает Государственный департамент США, «[в] то время как [российский] закон запрещает произвольные аресты и задержания, власти безнаказанно прибегали к такой практике».<sup>65</sup> Согласно Freedom House, причиной таких нарушений являются приоритеты исполнительной власти: «[г]арантии против произвольных арестов и другие гарантии надлежащей правовой процедуры регулярно нарушаются, особенно в отношении лиц, которые находятся в оппозиции или рассматриваются как угроза для интересов политического руководства и его

---

charges-against-activist-who-supported-detained-colleague/ (с описанием уголовного дела, возбужденного против Романа Зайцева за размещение статей об аресте Шевченко).

<sup>59</sup> Проект по освещению организованной преступности и коррупции, «Журналисты призывают расследовать факты самосожжения российской коллеги», 5 октября 2020 г. Доступно по адресу: <https://www.occrp.org/en/daily/13206-journalists-call-for-probe-into-russian-colleague-s-self-immolation>.

<sup>60</sup> Там же.

<sup>61</sup> Там же.

<sup>62</sup> Human Rights Watch, «Российский суд продлевает срок предварительного заключения активиста», 29 марта 2021 г. Доступно по адресу: <https://www.hrw.org/news/2021/03/29/russian-court-extends-activists-pretrial-detention>. См. также Human Rights Watch, «Россия: преследование «нежелательных» активистов», 18 января 2020 г.

<sup>63</sup> Радио «Свобода», «В России совершены рейды на офисы СМИ, основанных Ходорковским, и продемократических организаций», 19 марта 2021 г. Доступно по адресу: <https://www.rferl.org/a/offices-khodorkovsky-media-democracy-organizations-raided-russia/31160227.html>.

<sup>64</sup> Deutsche Welle, «Оппозиционная группа «Открытая Россия» закрывается под давлением», 27 мая 2021 г. Доступно по адресу: <https://www.dw.com/en/open-russia-opposition-group-shuts-down-under-pressure/a-57693178>.

<sup>65</sup> Государственный департамент США, «Доклады о положении с правами человека в странах мира за 2019 год», 2020, стр. 13.



союзников».<sup>66</sup> Судьи могут подвергнуться репрессиям, если они откажутся вынести решение о досудебном заключении / содержании обвиняемых под стражей (подробнее о независимости судей см. ниже).<sup>67</sup>

Соответственно, Европейский суд по правам человека установил, что национальные суды регулярно игнорируют предоставление надлежащего обоснования для вынесения постановления о заключении под стражу и о продлении досудебного содержания под стражей подозреваемых по уголовным делам.<sup>68</sup> Суд также пришел к выводу, что российские власти использовали арест и задержание для подавления законной реализации фундаментальных прав, таких как право на мирные собрания.<sup>69</sup> Примечательно, что власти часто применяют ограничительный и/или длительный домашний арест в отношении активистов оппозиции и правозащитников.<sup>70</sup>

### *Независимость судебной системы*

Независимость российской судебной системы подвергалась сомнению различными международными и национальными организациями и учреждениями.<sup>71</sup> Например, Комиссар Совета Европы по правам человека выразил озабоченность, отметив, что процедуры назначения и увольнения судей «обеспечивают недостаточные гарантии для объективного и справедливого судебного разбирательства» и что «судьи по-прежнему подвергаются давлению со стороны влиятельных

<sup>66</sup> Freedom House, «Свобода в мире в 2020 году: Россия».

<sup>67</sup> Центр независимости судей и адвокатов Международной комиссии юристов, «Российская Федерация: обзор страны», 6 июня 2014 г., стр. 16. Доступно по адресу: <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2014/06/CIJL-Country-Profile-Russian-Federation-June-2014.pdf>.

<sup>68</sup> См. Европейский суд по правам человека (Большая палата), «Быков против Российской Федерации», прил. № 4378/02, 10 марта 2009 г., пп. 64–68; Европейский суд по правам человека, «Панченко против Российской Федерации», прил. № 45100/98., 8 февраля 2005 г., пп. 106–09.

<sup>69</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Навальный и Яшин против Российской Федерации», прил. № 76204/11, 4 декабря 2014 г., п. 52.

<sup>70</sup> The Guardian, «Видные сторонники Алексея Навального подвергаются «бессрочному» домашнему аресту», 17 марта 2021 г. Доступно по адресу: <https://www.theguardian.com/world/2021/mar/17/prominent-supporters-alexei-navalny-indefinite-house-arrest-pussy-riot-kremlin-protests>; AP News, «Московский суд помещает сторонников Навального под домашний арест», 30 января 2021 г. Доступно по адресу: <https://apnews.com/article/alexei-navalny-allies-house-arrest-4338dac693cbb424a06a07deed37184f>; Reuters, «Факты: аресты, обвинения или эмиграция. Российская оппозиция под давлением», 8 июня 2021 г. Доступно по адресу: <https://www.reuters.com/world/europe/jail-charged-or-abroad-russian-opposition-figures-under-pressure-2021-06-07>.

<sup>71</sup> См. Государственный департамент США, «Доклады о положении с правами человека в странах мира за 2019 год», 2020, стр. 15; Государственный департамент США, «Доклады о положении с правами человека в странах мира за 2020 год», 30 марта 2021 г., стр. 15; Freedom House Свобода в мире в 2021 году: Россия. («Судебная система недостаточно независима от исполнительной власти, а карьерный рост фактически связан с соблюдением установок Кремля. Кадровая комиссия при президенте и председатели судов контролируют назначение и повторное назначение судей, которые, как правило, продвигаются по службе внутри судебной системы, а не приобретают независимый опыт в качестве юристов»); Комиссар Совета Европы по правам человека, «Пока судебная система РФ не станет более независимой, сомнения в ее эффективности останутся», 25 февраля 2016 г. Доступно по адресу: <https://www.coe.int/en/web/commissioner/-/poka-sudebnaa-sistema-rf-ne-stanet-bolee-nezavisimoj-somnenia-v-ee-effektivnosti-ostanutsa>.

политических и экономических интересов».<sup>72</sup> В отчете Государственного департамента США о соблюдении прав человека в России за 2019 и 2020 годы аналогичным образом заявлено следующее: «Судьи по-прежнему подвержены влиянию со стороны исполнительной власти, вооруженных сил и прочих силовых структур, особенно в громких или политически чувствительных делах, а также коррупции».<sup>73</sup>

Специальный докладчик ООН по вопросам независимости судей и адвокатов также отметил продолжающееся влияние исполнительной власти, сославшись на «многочисленные утверждения о прямых и косвенных угрозах в отношении судебной власти, а также о ненадлежащем влиянии, вмешательстве и давлении на нее, которые продолжают отрицательно сказываться на ее независимости и беспристрастности».<sup>74</sup> Специальный докладчик обратил внимание на сообщения о том, что судебная система работает в «тесном» взаимодействии с прокуратурой и исполнительной властью.<sup>75</sup>

Проблема судебного сговора не только привела к нарушениям права на справедливое судебное разбирательство, но и усугубляется ею. Согласно отчету Государственного департамента США за 2019 год, «вмешательство исполнительной власти в деятельность судебной системы и коррупция в судебной системе подорвали [право на справедливое судебное разбирательство]».<sup>76</sup> К злоупотреблениям, зафиксированным различными организациями и учреждениями, относятся «необоснованность вынесенных приговоров»<sup>77</sup>, нарушение принципа равенства сторон<sup>78</sup>, нарушение права на вызов и допрос свидетелей<sup>79</sup> и нарушение права на защиту<sup>80</sup>.

---

<sup>72</sup> Комиссар Совета Европы по правам человека, «Пока судебная система РФ не станет более независимой, сомнения в ее эффективности останутся», 25 февраля 2016 г.

<sup>73</sup> Государственный департамент США, «Доклады о положении с правами человека в странах мира за 2019 год», 2020, стр. 15; Государственный департамент США, «Доклады о положении с правами человека в странах мира за 2020 год», 30 марта 2021 г., стр. 15.

<sup>74</sup> Совет по правам человека, Отчет Специального докладчика по вопросу независимости судей и адвокатов, Док. ООН № A/HRC/26/32/Add.1, 30 апреля 2014 г., п. 14.

<sup>75</sup> См. там же, п. 16.

<sup>76</sup> Государственный департамент США, «Доклады о положении с правами человека в странах мира за 2020 год», 30 марта 2021 г., стр. 16. См. также Государственный департамент США, «Доклады о положении с правами человека в странах мира за 2020 год», 30 марта 2021 г., стр. 16.

<sup>77</sup> Совет по правам человека, Отчет Специального докладчика по вопросу независимости судей и адвокатов, Док. ООН № A/HRC/26/32/Add.1, 30 апреля 2014 г., п. 16.

<sup>78</sup> Комиссар Совета Европы по правам человека, «Пока судебная система РФ не станет более независимой, сомнения в ее эффективности останутся», 25 февраля 2016 г. См. также Международная комиссия юристов, «Российская Федерация: обзор страны», 6 июня 2014 г., стр. 16 («[П]рокуратура, которая считается наименее реформированным российским учреждением со времен СССР, сохраняет чрезмерное влияние в уголовном судопроизводстве. Сообщается, что аргументы обвинения имеют больший вес, чем аргументы защиты, и, если судьи не проявляют «достаточно внимания» к требованиям обвинения, они могут столкнуться с различными последствиями, включая увольнение»).

<sup>79</sup> Perseus Strategies при поддержке ПЦ «Мемориал», «Политзаключенные Кремля: продвижение политической повестки дня путем подавления инакомыслия», май 2019 г., стр. 117–18. Доступно по адресу: <https://www.perseus-strategies.com/wp-content/uploads/2019/04/The-Kremlins-Political-Prisoners-May-2019.pdf>.

<sup>80</sup> Perseus Strategies при поддержке ПЦ «Мемориал», «Политзаключенные Кремля: продвижение политической повестки дня путем подавления инакомыслия», май 2019 г., стр. 120–21.

Вместе с тем оправдательные приговоры выносятся редко. Как утверждает Московский центр Карнеги, судьи понимают, что оправдательный приговор всегда обжалуется и чаще всего отменяется, что подрывает их репутацию.<sup>81</sup> В 2019 году только 0,36 % обвиняемых были оправданы при рассмотрении дел судьями.<sup>82</sup> Анализ, проведенный годом ранее, показал, что среднестатистический судья выносит оправдательный приговор один раз в семь лет.<sup>83</sup> Следовательно, вынесение приговоров «кажется[] предрасположенным».<sup>84</sup>

## **В. ДОСЬЕ ПО ДЕЛУ**

Анастасия Шевченко ранее была участницей и региональным координатором общественного сетевого движения «Открытая Россия» (ОСД «Открытая Россия»). В 2014 году Михаил Ходорковский, олигарх, высланный из России, учредил предыдущую версию «Открытой России» и определил ее как «общенациональную платформу, объединяющую всех россиян, заинтересованных в улучшении качества жизни для себя и своих детей».<sup>85</sup> Движение было создано в «сетевой структуре», предназначенной для «сотрудничества небольших групп [общественности], которые постепенно накапливают опыт совместных действий для отстаивания своих интересов».<sup>86</sup>

В 2016 году группа граждан России провела учредительную конференцию в Хельсинки<sup>87</sup> для принятия устава Общественного сетевого движения «Открытая Россия». 15 апреля 2017 года участники движения внесли изменения в устав.<sup>88</sup> Согласно текущей версии устава, ОСД «Открытая Россия» – является «добровольным, самоуправляемым, состоящим из участников и не имеющим членства массовым общественным объединением, преследующим политические, социальные и иные общественно полезные цели, поддерживаемые участниками Движения».<sup>89</sup> Определенные им цели включают «построение в России правового государства», «создание условий для эффективной реализации прав и свобод граждан Российской Федерации», содействие проведению честных, свободных и справедливых выборов, созданию системы независимого и справедливого правосудия и эффективной правоохранительной системы, а также построение

---

<sup>81</sup> Московский центр Карнеги, «Судебная система vs судебная власть. Откуда берутся российские судьи», 19 декабря 2017 г. Доступно по адресу: <https://carnegie.ru/commentary/75053>.

<sup>82</sup> Государственный департамент США, «Доклады о положении с правами человека в странах мира за 2020 год», 30 марта 2021 г., стр. 15.

<sup>83</sup> См. Московский центр Карнеги, «Судебная система vs судебная власть. Откуда берутся российские судьи», 19 декабря 2017 г., <https://carnegie.ru/commentary/75053>.

<sup>84</sup> Государственный департамент США, «Доклады о положении с правами человека в странах мира за 2020 год», 30 марта 2021 г., стр. 15.

<sup>85</sup> Khodorkovsky.com, «Михаил Ходорковский основывает „Открытую Россию“», 17 сентября 2014 г. Доступно по адресу: <https://khodorkovsky.com/mikhail-khodorkovsky-launches-open-russia/>.

<sup>86</sup> Там же.

<sup>87</sup> Заметки наблюдателя, 15 января 2021 г.

<sup>88</sup> См. Устав общественного сетевого движения «Открытая Россия», 15 апреля 2017 г., стр. 1.

<sup>89</sup> См. там же, статья 1.1.

гражданского общества.<sup>90</sup> Основные механизмы для достижения этих целей – это общественные кампании, акции, дебаты, собрания, оказание правовой поддержки гражданам и иные ненасильственные действия.<sup>91</sup>

Как упоминалось выше, 26 апреля 2017 г., после принятия нового устава ОСД «Открытая Россия», Генеральная прокуратура Российской Федерации объявила «OR (Otkrytaya Rossia) («Открытая Россия») (Великобритания) - эта организация впоследствии была переименована в «Human Rights Project Management» - и Open Russia Civic Movement, Open Russia (Общественное сетевое движение «Открытая Россия») (Великобритания) «нежелательными организациями» и опубликовала сообщение о принятом решении на своем веб-сайте.<sup>92</sup> Неясно, какую организацию имела в виду Генеральная прокуратура в отношении «Open Russia Civic Movement, Open Russia» (Великобритания), поскольку никаких идентифицирующих данных предоставлено не было.

В тот же день официальный представитель Генеральной прокуратуры публично разъяснил, что решение о признании «нежелательной организацией», относящееся к «Открытой России», применимо только к конкретным организациям, зарегистрированным в Великобритании, и не затрагивает Общественное сетевое движение «Открытая Россия» – российскую ассоциацию, действующую в России: «Данные, которые мы опубликовали [в списке «нежелательных организаций»], не относятся к общественному сетевому движению «Открытая Россия». Опубликованные сведения касаются движений, признанных нежелательными на территории Российской Федерации. Это следующие британские движения, зарегистрированные в Англии: «OR (Otkrytaya Rossia) («Открытая Россия») и Open Russia Civic Movement, Open Russia (Общественное сетевое движение «Открытая Россия»). Как я уже сказал, мы ничего не имеем против деятельности общественного сетевого движения «Открытая Россия».<sup>93</sup>

8 декабря 2017 года прокуратура г. Таганрога возбудила административное дело против Шевченко за участие как представителя «Открытой России» в политически ориентированных дебатах, которые проходили двумя месяцами ранее в клубе-ресторане в Таганроге, и на которых также присутствовал представитель партии президента Путина «Единая Россия».<sup>94</sup> 19 января 2018 года мировой судья в

<sup>90</sup> См. там же, статья 4.1.

<sup>91</sup> См. там же, статья 4.2.

<sup>92</sup> Генеральная прокуратура Российской Федерации, «Генеральная прокуратура Российской Федерации приняла решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации деятельности ряда иностранных неправительственных организаций», 26 апреля 2017 г. См. также Радио «Свобода», «Новостная аналитика: действия против «Открытой России» Ходорковского рассматриваются как попытка контролировать выборы», 27 апреля 2017 г. Доступно по адресу: <https://www.rferl.org/a/russia-khodorkovsky-moves-against-open-russia-seen-to-control-elections/28455637.html>.

<sup>93</sup> 26 апреля 2017 года официальный представитель Генеральной прокуратуры Александр Куренной выступил с заявлением. Эхо Москвы, «Генпрокуратура назвала нежелательными две организации под названием „Открытая Россия“», 26 апреля 2017 г.

<sup>94</sup> См. Постановление Прокуратуры г. Таганрога о возбуждении дела об административном правонарушении, 8 декабря 2017 г., стр. 2-3.

Таганрогском судебном районе Ростовской области постановил, что Шевченко участвовала в дебатах, признал ее виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которая, как уже говорилось выше, касается участия в деятельности иностранных или международных НПО, признанных властями «нежелательными», и назначил наказание в виде административного штрафа в размере 5 000 рублей.<sup>95</sup> При рассмотрении апелляционной жалобы Таганрогский городской суд оставил Постановление без изменения.<sup>96</sup>

Приблизительно через четыре месяца прокуратура возбудила в отношении Шевченко второе дело об административном правонарушении по той же статье в связи с организацией собрания-лекции для членов движения «Открытая Россия» в рамках подготовки к предстоящим выборам депутатов в Законодательное собрание Ростовской области.<sup>97</sup> 6 июля 2018 года мировой судья Октябрьского судебного района г. Ростова-на-Дону признал Шевченко виновной и назначил наказание в виде штрафа в размере 5 000 рублей.<sup>98</sup> При рассмотрении апелляционной жалобы Таганрогский городской суд вновь оставил приговор без изменения.<sup>99</sup>

Вскоре после этого, 30 августа 2018 года, Министерство внутренних дел получило Постановление Пролетарского районного суда о проведении в отношении Шевченко негласного наблюдения в ее доме сроком на 120 суток, продленный 30 ноября 2018 года<sup>100</sup> еще на 120 суток.<sup>101</sup> В своем решении о продлении наблюдения суд счел данную меру оправданной, поскольку Шевченко дважды привлекалась к административной ответственности и «планирова[ла] организовать акции гражданского неповиновения» в целях «оказания давления на органы власти». Также она могла использовать свою квартиру для хранения материалов «экстремистского характера» и для «сбора неустановленных лиц, с целью обсуждения с ними возможной преступной деятельности, в том числе

---

<sup>95</sup> См. Таганрогский судебный район Ростовской области, Постановление о назначении административного наказания, Дело № 5-12-11-18, 19 января 2018 г.

<sup>96</sup> Решение Таганрогского городского суда Ростовской области, Дело № 12-149/2018, 6 марта 2018 г.

<sup>97</sup> См. Постановление прокуратуры Октябрьского района г. Ростова-на-Дону о возбуждении дела об административном правонарушении от 30 мая 2018 года; Решение Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону по делу № 5-1-31 9/2018 от 6 июля 2018 г.

<sup>98</sup> Решение Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону по делу № 5-1-31 9/2018 от 6 июля 2018 г.

<sup>99</sup> Решение Таганрогского городского суда Ростовской области по делу № 12-149/2018 от 6 марта 2018 г.

<sup>100</sup> В постановлении Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону о продлении негласного наблюдения приводится Постановление данного суда № 604с от 30 августа 2018 г., на основании которого ранее было разрешено начать негласное наблюдение. Однако последний документ так и не был предоставлен Шевченко, несмотря на неоднократные запросы ее адвокатов.

<sup>101</sup> Постановление Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону № 815 об ограничении права на неприкосновенность жилища, 30 ноября 2018 г., стр. 2.

планирования и подготовки преступлений против общественной безопасности и государства». <sup>102</sup>

Таким образом, Пролетарский районный суд разрешил сотрудникам ГУ МВД России по Ростовской области проведение «негласного оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» ... с использованием средств негласной аудио- и видеозаписи» в течение дополнительных 120 дней. <sup>103</sup> В постановлении не содержалось дополнительных указаний относительно разрешенных форм наблюдения или ограничений, налагаемых на следователей при проведении наблюдения. В соответствии с первоначальным постановлением и его продлением полиция тайно установила средства видео- и аудиозаписи в доме Шевченко, в том числе видеокамеру, спрятанную в кондиционере над ее кроватью, и почти пять месяцев отслеживала действия и прослушивала разговоры, происходившие в ее квартире. <sup>104</sup>

18 января 2019 года Первое следственное управление (с дислокацией в г. Ростов-на-Дону) ГСУ СК РФ возбудило уголовное дело в отношении Шевченко по признакам преступления, предусмотренного статьей 284.1 Уголовного кодекса. <sup>105</sup> Как упоминалось выше, статья 284.1 предусматривает уголовную ответственность любого физического лица за руководство деятельностью признанной «нежелательной» иностранной или международной неправительственной организации или участие в такой деятельности, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года, в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях. <sup>106</sup>

---

<sup>102</sup> См. там же, стр. 1.

<sup>103</sup> См. там же, стр. 2.

<sup>104</sup> Дочь Шевченко поделилась данной информацией в социальных сетях в январе 2019 года. См. Human Rights Watch, «Российское правосудие превращается в фарс: Полиция установила скрытую камеру в спальне активистки», 27 января 2020 г. Доступно по адресу: <https://www.hrw.org/ru/news/2020/01/27/338185>. На суде обвинение воспроизвело несколько видеозаписей, сделанных в спальне Шевченко, где она разговаривает по телефону или с членами своей семьи. См. Заметки наблюдателя, 24 декабря 2020 г.

<sup>105</sup> Старший следователь УВД, Первое следственное управление (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону) ГСУ СК РФ, Постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, дело № 11902007712000003, 18 января 2019 г.

<sup>106</sup> Ст. 284.1 УК РФ «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности» предусматривает следующее: «Руководство деятельностью на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации, либо участие в такой деятельности, совершенные лицом, которое ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года, наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового, либо лишением свободы на срок от двух до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового. Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности иностранной

В рамках следствия утверждалось, что два конкретных действия Шевченко нарушили положения данной статьи: она принимала участие в собрании членов ОСД «Открытая Россия» в 2018 году, где озвучила основные направления деятельности движения<sup>107</sup>, и участвовала в митинге (основной целью которого, согласно обвинительному заключению, была «дискредитация органов исполнительной власти»), на котором держала плакаты движения с надписью «#НАДОЕЛ»<sup>108</sup>. Протест, указанный в обвинительном заключении, был санкционирован местными властями.<sup>109</sup>

21 января 2019 года Шевченко была задержана по обвинению в нарушении статьи 284.1.<sup>110</sup> В тот же день в ее доме был произведен обыск, и полиция изъяла различные материалы.<sup>111</sup> 23 января 2019 года Ленинский районный суд г. Ростова-на-Дону удовлетворил ходатайство следователя об избрании меры пресечения в отношении Шевченко в виде домашнего ареста на период предварительного следствия, первоначально на срок один месяц и 25 суток.<sup>112</sup> В решении суда говорится, что Шевченко «обвиняется в совершении тяжкого преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, за которое возможно назначение наказания в виде лишения свободы на длительный срок» и что она «[могла] скрыться от правоохранительных органов на территории стран прибалтийского региона».<sup>113</sup> Единственные конкретные сведения, предоставленные в защиту последнего утверждения, — это расплывчатая отсылка

---

или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

<sup>107</sup> Старший следователь УВД, Первое следственное управление (с дислокацией в городе Ростова-на-Дону) ГСУ СК РФ, Постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, дело № 11902007712000003, 18 января 2019 г., стр. 4 (Утверждается, что 27 сентября 2018 г. Шевченко принимала участие в собрании участников ОСД «Открытая Россия», на котором «озвучила основные направления деятельности ОСД «Открытая Россия» (Великобритания) за 2018 год», а также «проинструктировала участников совещания о необходимости внедрения в различные протестные группы граждан под предлогом предоставления бесплатной юридической помощи и изготовления агитационных плакатов и важности ведения тематических аккаунтов в социальных сетях «Интернет» и участия в выборах различного уровня»).

<sup>108</sup> Там же, стр. 4–5 (Утверждается, что 28 октября 2018 г., «в качестве члена федерального совета ОСД «Открытая Россия» (Великобритания)» на митинге, организованном в парке несколькими активистами оппозиционных объединений, Шевченко «демонстрировала символику протестной акции «#НАДОЕЛ», реализуемой на территории Российской Федерации ОСД «Открытая Россия» (Великобритания), основной целью которой являлась — дискредитация органов исполнительной власти»).

<sup>109</sup> Это утверждалось защитой в суде и не оспаривалось обвинением. См. Заметки наблюдателя, 4 февраля 2021 г.

<sup>110</sup> Постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону [об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста], 23 января 2019 г., стр. 1.

<sup>111</sup> См. Заметки наблюдателя, 28 января 2021 г.

<sup>112</sup> Постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону [об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста], 23 января 2019 г., стр. 2 (первоначальный срок — один месяц и 25 суток, т.е. до 17 марта 2019 г. включительно).

<sup>113</sup> См. там же, стр. 2.

к «материалам», представленным следователем, якобы демонстрирующим риск того, что Шевченко может скрыться в странах Прибалтики.<sup>114</sup>

В течение следующего года суды г. Ростова-на-Дону удовлетворили восемь ходатайств следователя о продлении домашнего ареста Шевченко на время предварительного следствия (до предъявления обвинения). Ни в одном из случаев суды не указали конкретные фактические обстоятельства, требующие принятия такой меры, аналогично первоначальному постановлению суда, описанному выше.<sup>115</sup> Единственным дополнительным основанием, приведенным в защиту ходатайства следователя, было то, что до задержания Шевченко «систематически выезжала за пределы Российской Федерации» и проживала на съемной квартире.<sup>116</sup>

После утверждения обвинительного заключения по уголовному делу в отношении Шевченко 26 февраля 2020 года, суды г. Ростова-на-Дону продолжили избирать меру пресечения и продлевать содержание под домашним арестом Шевченко по ходатайству обвинения (первоначально на шесть месяцев<sup>117</sup>, а затем еще несколько раз) на основании тех же обобщенных данных, которые приводил старший следователь на стадии предварительного следствия.<sup>118</sup>

---

<sup>114</sup> Там же.

<sup>115</sup> Постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 15 марта 2019 г. (о продлении срока содержания под домашним арестом на три месяца, т.е. по 17 июня 2019 г. включительно); Постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 14 июня 2019 г. (о продлении срока содержания под домашним арестом на три месяца, т.е. по 17 сентября 2019 г.; с изменениями, внесенными апелляционным постановлением Ростовского областного суда от 25 июня 2019 г., дело № 22К-3994/2019 (о сокращении срока продления меры пресечения в виде домашнего ареста до 20 июля 2019 г. включительно); Постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 16 июля 2019 г. (о продлении срока содержания под домашним арестом на один месяц, т.е. по 20 августа 2019 г. включительно); Постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 16 августа 2019 г. (о продлении срока содержания под домашним арестом на два месяца, т.е. по 20 октября 2019 г. включительно); Постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 15 октября 2019 г. (о продлении срока содержания под домашним арестом на два месяца, т.е. по 20 декабря 2019 г. включительно); Постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 17 декабря 2019 г. (о продлении срока содержания под домашним арестом на 28 суток, т.е. по 17 января 2020 г. включительно); Постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 31 декабря 2019 г. (о продлении срока содержания под домашним арестом на 3 суток, т.е. по 20 января 2020 г. включительно); Постановление Ростовского областного суда г. Ростова-на-Дону от 16 января 2020 г. (о продлении срока содержания под домашним арестом на два месяца, т.е. по 20 марта 2020 г. включительно).

<sup>116</sup> См., например, постановление Ростовского областного суда г. Ростова-на-Дону от 16 января 2020 г. (о продлении срока домашнего ареста на два месяца, т.е. по 20 марта 2020 г. включительно), стр. 3.

<sup>117</sup> См. постановление Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону от 18 марта 2020 г. (об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста на шесть месяцев с момента поступления уголовного дела в суд, т.е. до 1 сентября 2020 г. включительно).

<sup>118</sup> Постановление Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону от 26 ноября 2020 г. (о продлении срока содержания под домашним арестом на 3 месяца, т.е. до 1 марта 2021 г.). См. также Коммерсант, «Анастасии Шевченко продлили домашний арест», 31 августа 2020 г. Доступно по адресу: <https://www.kommersant.ru/doc/4474814> (в связи с продлением 31 августа 2020 г.).



В течение первого года домашнего ареста Шевченко была полностью прикована к дому, за исключением крайне редких прогулок, разрешенных по усмотрению следователя, и ей было запрещено использовать сеть Интернет или иным образом общаться с кем-либо за пределами ее квартиры, за исключением правоохранительных органов и служб экстренной помощи.<sup>119</sup> Поэтому ей, как матери-одиночке двух несовершеннолетних детей, также ухаживающей за своей престарелой матерью, не позволяли заботиться о своей семье. Старший следователь, ведущий ее дело, отклонил неоднократные просьбы Шевченко сопровождать ее несовершеннолетних детей в школу или на приемы к врачу.<sup>120</sup> Старший следователь также неоднократно отклонял просьбы Шевченко о посещении ее неизлечимо больной дочери-подростка с тяжелой формой ограничения возможностей.<sup>121</sup> Наконец, Шевченко разрешили навестить дочь - всего за день до ее смерти.<sup>122</sup>

Каждый раз, когда Шевченко продлевался срок содержания под домашним арестом, она обжаловала решение за необоснованностью меры пресечения, запрашиваемой по ходатайству следователя и избранной судом в своем решении; каждый раз решение о продлении срока содержания под домашним арестом подтверждалось в первой и второй апелляционной инстанции.<sup>123</sup>

---

<sup>119</sup> В постановлениях суда о продлении срока содержания под домашним арестом были определены возложенные на нее запреты и ограничения, согласно которым в течение первого года Шевченко не позволялось покидать свое жилище без разрешения следователя, которое предоставлялось только для присутствия на судебных заседаниях и по другим официальным причинам.

<sup>120</sup> См. Старший следователь по особо важным делам, подполковник юстиции, постановление об отказе в удовлетворении ходатайства, дело № 11902007712000003, 18 апреля 2019 г. (отказ в ходатайстве о даче разрешения на сопровождение несовершеннолетнего сына на прием к врачу-аллергологу).

<sup>121</sup> См. Старший следователь по особо важным делам, подполковник юстиции, постановление об отказе в удовлетворении ходатайства, дело № 11902007712000003, 28 января 2019 г. (отказ в ходатайстве Шевченко о даче разрешения навещать ее больную дочь, на сопровождение ее несовершеннолетнего сына в школу и о разрешении прогулок на свежем воздухе).

<sup>122</sup> Старший следователь по особо важным делам, подполковник юстиции, постановление об удовлетворении ходатайства, дело № 11902007712000003, 30 января 2019 г. (удовлетворение ходатайства Шевченко о даче разрешения покинуть место содержания-под домашним арестом для посещения больной дочери).

<sup>123</sup> См. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, кассационное определение, дело № 77-146/2020, 12 февраля 2020 г. (оставить без изменения постановление Ленинского районного суда от 14 июня 2019 г. о продлении домашнего ареста до 17 сентября 2019 г. и апелляционного постановления Ростовского областного суда от 25 июня 2019 г., за исключением резолютивной части постановления, запрещающей общение, которая была исключена); Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, кассационное определение, дело № 77-914/2020, 15 июля 2020 г. (оставить без изменения постановление Ленинского районного суда от 31 декабря 2019 г. о продлении срока домашнего ареста и апелляционное постановление Ростовского областного суда от 22 января 2020 г., за исключением резолютивной части постановления, запрещающей общение, которая была удалена); апелляционное постановление Ростовского областного суда, дело № 22к-1970/2020, 10 апреля 2020 г. (отказ в удовлетворении апелляции Шевченко касательно решения Октябрьского районного суда от 18 марта 2020 г. о продлении срока домашнего ареста до 1 сентября 2020 г.).

В январе 2020 года, в то время как Шевченко уже в течение года находилась под домашним арестом, Третий апелляционный суд общей юрисдикции г. Сочи (первая апелляционная инстанция) подтвердил продление срока ее содержания под домашним арестом, но изменил его условия, позволив ей ежедневно выходить на прогулку продолжительностью не более двух часов, посещать медицинские учреждения с уведомлением следователя и сотрудников ГУФСИН России по Ростовской области, а также использовать телефонную связь только «для общения с близкими родственниками, контролирующим органом, следователем, защитником и сотрудниками суда».<sup>124</sup> 31 августа 2020 г. Октябрьский районный суд смягчил условия домашнего ареста Шевченко, разрешив ей посещать ближайшие аптеки и магазины.<sup>125</sup>

Судебный процесс по делу Шевченко начался 17 июня 2020 г.<sup>126</sup> Обвинение представило свою позицию в рамках 13 судебных заседаний на протяжении шести месяцев. Хотя причастность Шевченко к ОСД «Открытая Россия» и участие в связанной с нею деятельности не оспаривались защитой, обвинение вызвало Алексея Шильченко (самопровозглашенного члена «Национально-освободительного движения», националистического политического движения, которое считает, что российское государство потеряло свой суверенитет относительно интересов Запада),<sup>127</sup> чтобы засвидетельствовать ее причастность к ассоциации.

Шильченко заявил, что видел, как в клубе-ресторане в Таганроге Шевченко представилась «как координатор регионального отделения общественного сетевого движения «Открытая Россия, Великобритания» (событие, послужившее основанием для ее первого привлечения к административной ответственности), и он сообщил об этом властям. Однако при перекрестном допросе он не смог подтвердить, что Шевченко, представляясь, сказала «Великобритания», и не смог вспомнить ни одной конкретной детали самого события.<sup>128</sup> Шильченко также утверждал, что Шевченко после дебатов участвовала в других мероприятиях, связанных с «Открытой Россией», и получила оплату за свою работу от имени «Открытой России».<sup>129</sup> Однако впоследствии он признался, что знает о ее деятельности только из Facebook и предположил, что ей платили, потому что она была безработной матерью-одиночкой и часто выезжала за границу.<sup>130</sup> Обвинение

---

<sup>124</sup> См. Третий апелляционный суд общей юрисдикции, апелляционное определение, дело № 55к-46/2020, 29 января 2020 г., стр. 5.

<sup>125</sup> См. Коммерсант, «Анастасии Шевченко продлили домашний арест», 31 августа 2020 г.

<sup>126</sup> См. Заметки наблюдателя, 17 июня 2020 г.

<sup>127</sup> См. Национально-освободительное движение, «О движении». Доступно по адресу: <https://www.rusnod.ru/index/o-dvizhenii/>.

<sup>128</sup> Заметки наблюдателя, 7 сентября 2020 г.

<sup>129</sup> Там же.

<sup>130</sup> Там же. На вопрос адвоката о том, откуда возникло его утверждение, что Шевченко платили за участие в деятельности «Открытой России», Шильченко ответил: «Я не могу привести точные цифры, но учитывая, сколько раз безработная женщина и мать двоих детей ездила за границу, примерно представляю». Когда его снова спросили об источнике его информации, он признал, что у него нет источника информации.

представило ряд других показаний свидетелей обвинения, которые свидетельствовали о том, что Шевченко видели один или два раза на мероприятиях ОСД «Открытая Россия», об Уставе ОСД «Открытая Россия» и/или об общей осведомленности о причастности Шевченко к организации.<sup>131</sup>

Хотя обвинение также вызвало представителя Министерства юстиции, чтобы поддержать утверждение о том, что ОСД «Открытая Россия» является «иностранный НПО», ее показания опровергли это утверждение. Виктория Логачева, начальник отдела по делам некоммерческих организаций Главного управления Министерства юстиции России по Ростовской области, заявила, что сообщила следователям, что ОСД «Открытая Россия» является «иностранный организацией», поскольку ее устав был принят в Хельсинки, но не смогла объяснить, каким образом это связывает движение с Великобританией.<sup>132</sup> Она также показала, что в соответствии с российским законодательством «иностранный неправительственная организация» — это организация, учрежденная за пределами Российской Федерации и в соответствии с законодательством иностранного государства, в которой не участвуют государственные органы и не извлекает прибыль.<sup>133</sup> В ходе перекрестного допроса она заявила, что в Уставе ОСД «Открытая Россия» указано, что движение является российским объединением и что его Устав соответствует российскому законодательству, регулирующему создание общественных объединений.<sup>134</sup>

Обвинение также представило ряд аудио- и видеофайлов, полученных в ходе негласного оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение», которое проводилось в доме Шевченко в 2018 году.<sup>135</sup> На некоторых видео Шевченко разговаривает по телефону у себя в спальне; на других Шевченко разговаривает со своей несовершеннолетней дочерью и матерью.<sup>136</sup> В воспроизведенных во время судебных заседаний видео содержание этих разговоров в основном неразборчиво, а части, которые были слышны, касались в первую очередь общей деятельности ОСД «Открытая Россия», внутренних разногласий и мнения Шевченко о работе ОСД «Открытая Россия». В видеозаписях не содержалось никакой информации, напрямую связанной с действиями, указанными в обвинении.

В ходе двухдневного представления позиции защиты адвокаты оспаривали утверждение обвинения о том, что ОСД «Открытая Россия» и «нежелательная» организация «Open Russia» (Великобритания) – являются одним и тем же объединением (как отмечалось выше, неясно, какую организацию имела в виду Генеральная прокуратура, признавая «Open Russia Civic Movement, Open Russia» (Великобритания) как нежелательную организацию, поскольку не было

<sup>131</sup> См. Заметки наблюдателя, 10 сентября 2020 г.; Заметки наблюдателя, 24 сентября 2020 г.; Заметки наблюдателя, 1 октября 2020 г.; Заметки наблюдателя, 10 декабря 2020 г.

<sup>132</sup> См. Заметки наблюдателя, 10 декабря 2020 г.

<sup>133</sup> См. там же.

<sup>134</sup> Там же.

<sup>135</sup> Заметки наблюдателя, 24 декабря 2020 г.

<sup>136</sup> Там же.

представлено никаких идентифицирующих данных и неясно, существовала ли такая организация, якобы зарегистрированная в Великобритании, в принципе). В число ключевых свидетелей защиты входила Мария Баронова, журналистка, оппозиционный политический кандидат и соучредитель ОСД «Открытая Россия», которая дала показания о происхождении движения, его структуре и правилах. Она подтвердила, что участниками ОСД «Открытая Россия» могли быть только граждане России, что движение было создано в соответствии с российским законодательством как «объединение» (а не неправительственная организация), что движение не имеет каких-либо связей с Великобританией или какими-либо другими странами и что движение финансировалось своими участниками, а не из внешних источников.<sup>137</sup> Эти утверждения впоследствии были подтверждены вторым свидетелем защиты и соучредителем ОСД «Открытая Россия» Алексеем Прянишниковым.<sup>138</sup> Баронова также заявила, что она лично разработала логотип для кампании «#НАДОЕЛ» и что он никак не связан с британской организацией.<sup>139</sup> Наконец, она засвидетельствовала, что после сделанного 26 апреля 2017 года заявления официального представителя Генеральной прокуратуры о том, что ОСД «Открытая Россия», базирующаяся в России, не находится в списке «нежелательных», она и ее коллеги поняли, что могут продолжать работать в обычном режиме без риска подвергнуться преследованиям.<sup>140</sup>

Защита соответственно представила результаты проверки и поиска по реестру Регистрационной палаты Великобритании, проведенного британским нотариусом, где было показано, что в Великобритании не было организации или компании, зарегистрированной как «Open Russia Civic Movement» (организация, внесенная в список «нежелательных» в 2017 году Генеральной прокуратурой).<sup>141</sup> В своих заключительных аргументах защита подчеркнула, что обвинение не смогло доказать существование в Великобритании неправительственной организации или какой-либо другой организации под названием «Open Russia», что подрывает утверждение обвинения о том, что движение было «иностранный неправительственной организацией» со штаб-квартирой в Великобритании.<sup>142</sup> Дополнительные доказательства для опровержения данного утверждения обвинение не представило.

---

<sup>137</sup> Заметки наблюдателя, 15 января 2021 г. К иной стране «Открытая Россия» не имела отношение, соответственно с иной страной мы никоим образом не взаимодействовали».

<sup>138</sup> Заметки наблюдателя, 28 января 2021 г.

<sup>139</sup> Заметки наблюдателя, 15 января 2021 г.

<sup>140</sup> «После этого [после объявления Генеральной прокуратурой о том, что «Open Russia» (Великобритания) отнесена к списку «нежелательных»] Куренной к вечеру заявил по Эху Москвы и Медузе, что речь идет не о российском движении Открытая Россия, а о британской организации. Соответственно, люди, которые создали движение Открытая Россия, к ним претензий нет. То есть буквально так было сказано. Ну, мы подумали, интересно, что происходит, но значит всё хорошо, нормально, тем более можно дальше работать. Я помню, что сначала я начала настаивать журналистам «Подождите, ну мы не можем быть нежелательными по той причине, что мы ничего не регистрировали». Заметки наблюдателя, 15 января 2021 г.

<sup>141</sup> Заметки наблюдателя, 28 января 2021 г.

<sup>142</sup> Заметки наблюдателя, 4 февраля 2021 г.

18 февраля 2021 г. Октябрьский районный суд признал Шевченко виновной в совершении преступления, предусмотренного статьей 284.1 Уголовного кодекса и приговорил ее к четырем годам лишения свободы, постановив, что менее строгое наказание не сможет обеспечить достижение интересов правосудия; суд постановил назначенное наказание в виде лишения свободы считать условным и установить испытательный срок при строгом соблюдении возложенных обязанностей.<sup>143</sup> Г-жа Шевченко была отпущена прямо из зала суда.

В совокупности, период лишения свободы Шевченко — с момента ее первоначального задержания (21 января 2019 г.), последующего избрания меры пресечения в виде домашнего ареста (начиная с 23 января 2019 г.) и до вынесения решения судом первой инстанции (18 февраля 2021 г.) — составил два года и 29 дней.

---

<sup>143</sup> См. Октябрьский районный суд г. Ростова-на-Дону, приговор [по делу Анастасии Шевченко], 18 февраля 2021 г., стр. 54–55.



## **А. ФАЗА МОНИТОРИНГА**

В рамках инициативы TrialWatch Фонда Клуни «За справедливость», Посольство Прав Человека направило своих наблюдателей для мониторинга судебного процесса над Анастасией Шевченко, проходившего в Октябрьском районном суде г. Ростова-на-Дону в Российской Федерации. Процесс проходил на русском языке, и наблюдатели смогли проследить за ходом судебного разбирательства. Наблюдатели не сталкивались с препятствиями при входе в зал суда, и присутствовали на всех судебных заседаниях. Наблюдатели использовали «TrialWatch» для того, чтобы зафиксировать и отразить все, что происходило в зале суда, а также степень соблюдения прав обвиняемой на справедливое судебное разбирательство.

## **В. ФАЗА ОЦЕНКИ**

Чтобы оценить справедливость судебного разбирательства и присвоить оценку по соответствующей шкале, эксперт TrialWatch Катерина Хаджи-Мичева Эванс изучила записи наблюдателей, сделанные в ходе мониторинга данного разбирательства, и процессуальные документы по делу. Хаджи-Мичева Эванс пришла к выводу, что власти допускали серьезные нарушения на протяжении всего разбирательства. На досудебной стадии длительный домашний арест Шевченко представлял собой произвольное лишение свободы, а наблюдение за местом ее проживания нарушало ее право на уважение частной жизни и свободу мирных собраний. Кроме того, длительный домашний арест превышал максимальный срок и условия лишения свободы в ходе предварительного следствия, которые предусматривает российское законодательство. Впоследствии на суде обвинение не смогло даже доказать, что г-жа Шевченко участвовала в деятельности нежелательной организации, представив доказательства и свидетелей, которые не вызывали доверия и/или выявили серьезные пробелы и несоответствия в деле. Вынесение судом обвинительного приговора Шевченко, несмотря на серьезные сомнения в ее виновности, вызывает обеспокоенность по поводу независимости судебной власти. В более широком смысле, Закон «О нежелательных организациях» по своей сути является нарушением свободы объединения, мирных собраний, уважения частной жизни и выражения мнений, гарантированных международными и европейскими стандартами.



## А. ПРИМЕНИМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

Данный отчет опирается на Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП);<sup>144</sup> практику Комитета Организации Объединенных Наций по правам человека (КПЧ), в задачи которого входит контроль за исполнением МПГПП; Европейскую конвенцию по правам человека (ЕКПЧ);<sup>145</sup> и практику Европейского суда по правам человека, в задачи которого входит контроль за осуществлением и обеспечением соблюдения ЕКПЧ. Россия присоединилась к МПГПП в 1973 г. и ратифицировала ЕКПЧ 5 мая 1998 г., при условии о допущении определенных оговорок.<sup>146</sup> В отчете дополнительно приводятся положения Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов России, а также Кодекса об административных правонарушениях.

## В. НАРУШЕНИЯ НА СТАДИИ РАССЛЕДОВАНИЯ И В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ

### Произвольное и незаконное лишение свободы

В соответствии со статьей 5(1) ЕКПЧ, а также согласно статье 9(1) МПГПП, любое лишение свободы должно осуществляться в соответствии с национальным законодательством. Обе статьи также запрещают произвольное лишение свободы.

Как было отмечено Комитетом по правам человека Организации Объединенных Наций, понятие произвольности следует «толковать более широко», включая в него «элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности».<sup>147</sup> Лишение свободы по уголовным обвинениям «должно быть разумным и необходимым в любых обстоятельствах».<sup>148</sup> Если лишение свободы не разумно или в этом нет необходимости, решение становится произвольным.<sup>149</sup> Кроме того, как заявил Комитет по правам человека, «решение о содержании человека под стражей в любой форме является произвольным, если

<sup>144</sup> Генеральная Ассамблея ООН, Международный пакт о гражданских и политических правах, 16 декабря 1966 г., Депозитарий международных договоров ООН, том 999, стр. 171 (далее «МПГПП»).

<sup>145</sup> Совет Европы, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод с поправками, внесенными Протоколами № 11 и 14, 4 ноября 1950 г., ETS 5 (далее «ЕКПЧ»).

<sup>146</sup> Эти оговорки не имеют отношения к данному анализу.

<sup>147</sup> Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 35, Док. ООН № CCPR/C/GC/35, 16 декабря 2014 г., п. 12 (внутренние цитаты опущены). См. также Комитет по правам человека, «Измет Осселик и др. против Турции», Док. ООН № CCPR/C/125/D/2980/2017, 28 мая 2019 г., п. 9.3.

<sup>148</sup> Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 35, Док. ООН № CCPR/C/GC/35, 16 декабря 2014 г., п. 12.

<sup>149</sup> См. там же.

оно не подлежит периодическому пересмотру на предмет обоснованности дальнейшего содержания под стражей». <sup>150</sup>

Домашний арест представляет собой лишение свободы для целей статьи 9. <sup>151</sup> Соответственно, Комитет определил нарушение статьи 9(1), поскольку власти не представили достаточных оснований для постановления о домашнем аресте <sup>152</sup>, и нарушение статьи 9(3), которая дает обвиняемым право на судебное разбирательство в разумные сроки или освобождение от лишения свободы, если срок домашнего ареста превышает срок, для которого власти могут предоставить достаточное обоснование. <sup>153</sup>

Статья 5(1) Европейской конвенции по правам человека прямо перечисляет допустимые основания для задержания, включая «законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения». Когда дело доходит до продолжения лишения свободы, внутригосударственные судебные органы должны оценить не только наличие обоснованных подозрений в том, что задержанный совершил преступление, в котором его обвиняют, но и то, остаются ли указанные основания для содержания под стражей «относимыми» и «достаточными». <sup>154</sup> Примечательно, что национальные суды не могут переложить бремя доказывания по таким вопросам на задержанного, возложив на него обязанности доказать наличие оснований для его освобождения. <sup>155</sup>

Параллельно со статьей 5(1), статья 5(3) дает обвиняемым право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. По мнению Европейского суда, цель статьи 5(3) состоит в том, чтобы «потребовать ... временного освобождения, если продолжение содержания [обвиняемого] под стражей перестает быть обоснованным». <sup>156</sup> Аналогично Комитету ООН по правам человека, Европейский суд постановил, что домашний арест представляет собой «лишение свободы» по смыслу статьи 5 Конвенции <sup>157</sup>, и применил к домашнему

---

<sup>150</sup> См. там же, п. 13.

<sup>151</sup> См. там же, п. 5. См. также Комитет по правам человека, «Горджи-Динка против Камеруна», Док. ООН № ССРР/С/83/Д/1134/2002, 17 марта 2005 г., п. 5.4.

<sup>152</sup> См. Комитет по правам человека, «Аббаси против Алжира», Док. ООН № ССРР/С/89/Д/1172/2003, 28 марта 2007 г., п. 8.3.

<sup>153</sup> См. там же, п. 8.4

<sup>154</sup> Европейский суд по правам человека (Большая палата), «Быков против Российской Федерации», прил. № 4378/02, 10 марта 2009 г., п. 64.

<sup>155</sup> Там же.

<sup>156</sup> Там же, п. 61.

<sup>157</sup> См. Европейский суд по правам человека (Большая палата), «Бузаджи против Республики Молдова», прил. № 23755/07, 5 июля 2016 г., п. 104 (исходя из того, что в [с]оответствии с прецедентной практикой суда ... считается, что домашний арест, принимая во внимание степень ограничения и меру выраженности, представляет собой лишение свободы по смыслу статьи 5 Конвенции»).



аресту такие же требования, что и к другим формам лишения свободы, то есть национальные суды должны продемонстрировать «относимые» и «достаточные» основания для избрания этой меры пресечения.<sup>158</sup>

В деле *Быков против России* заявитель на протяжении всего уголовного процесса содержался под стражей один год, восемь месяцев и 15 дней с момента ареста; внутригосударственные суды рассматривали и отклоняли его ходатайства об освобождении не менее десяти раз.<sup>159</sup> Изучая эти постановления, Европейский суд отметил, что национальные суды неоднократно оправдывали продление срока содержания под стражей на основании тяжести обвинений и вероятности того, что он «скроется, воспрепятствует производству по уголовному делу и окажет давление на свидетелей», но «не указывая относимых и достаточных мотивов [этих оснований]». <sup>160</sup> В сочетании с тем фактом, что мотивировка судов «не изменялась в отражение развития ситуации с целью проверки того, сохраняют ли значение эти основания на более поздней стадии разбирательства», <sup>161</sup> это привело Европейский суд к выводу, что российские власти нарушили положения статьи 5(3).<sup>162</sup>

Аналогично, в деле *Бузаджи против Республики Молдова* заявитель, подозреваемый по уголовному делу, был заключен под стражу на два с половиной месяца, а затем переведен под домашний арест примерно на семь с половиной месяцев в ожидании судебного разбирательства.<sup>163</sup> При оценке его жалобы по статье 5 Европейский суд пришел к выводу, что доводы, приводимые внутригосударственными судами при назначении меры пресечения в виде заключения заявителя под стражу или при продлении срока содержания заявителя под стражей, были «шаблонными и абстрактными», не предоставляя конкретных данных в поддержку таких утверждений<sup>164</sup>; суд также отметил, что «постановления, санкционирующие и продлевающие срок домашнего ареста, не содержали каких-либо доводов в подтверждение применения такой меры, кроме тяжести вмененного заявителю в вину преступления». <sup>165</sup> В свете этих вопросов, а также при отсутствии последовательности в решениях судов, суд постановил, что национальные власти нарушили права заявителя в соответствии со статьей 5(3).<sup>166</sup>

В противовес этим стандартам, домашний арест Шевченко явно представлял собой произвольное лишение свободы, то есть он представляет собой нарушение ее прав, предусмотренных статьей 9 МПГПП и статьей 5 ЕКПЧ. Шевченко была задержана 21 января 2019 г., и впоследствии содержалась под домашним арестом

---

<sup>158</sup> См. там же, п. 123.

<sup>159</sup> Европейский суд по правам человека (Большая палата), «Быков против Российской Федерации», прил. № 4378/02, 10 марта 2009 г., п. 65.

<sup>160</sup> Там же.

<sup>161</sup> Там же.

<sup>162</sup> Там же, пп. 67–68.

<sup>163</sup> См. Европейский суд по правам человека (Большая палата), «Бузаджи против Республики Молдова», прил. № 23755/07, 5 июля 2016 г., п. 13–40.

<sup>164</sup> См. там же, п. 122.

<sup>165</sup> См. там же, п. 121.

<sup>166</sup> См. там же, пп. 122–23.

по решению суда более двух лет — до вынесения приговора судом первой инстанции 18 февраля 2021 г. Избрав меру пресечения в виде домашнего ареста и неоднократно продлевая его, власти не смогли указать индивидуальные, конкретные причины, по которым эта мера была обоснованной и необходимой в данных обстоятельствах.<sup>167</sup> Постановление Ленинского районного суда от 23 января 2019 г., первоначально поместившего Шевченко под домашний арест, было полностью основано на следующих пунктах:

[Шевченко] обвиняется в совершении тяжкого преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, за которое возможно назначение наказания в виде лишения свободы на длительный срок. Как пояснил в судебном заседании следователь, не все доказательства по уголовному делу собраны. Также суд учитывает сведения, содержащиеся в исследованном материале, о том, что Шевченко А.Н. может скрыться от правоохранительных органов на территории прибалтийского региона, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, а также учитывая тяжесть обвинения, обстоятельства совершения инкриминируемого преступления, представленные суду доказательства являются достаточными на данном этапе расследования уголовного дела для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста с целью исключения возможности Шевченко А.Н. воспрепятствовать производству по уголовному делу, а также исключения возможности Шевченко А.Н. скрыться от органа предварительного следствия и суда. При таких обстоятельствах, а также учитывая данные о личности Шевченко А.Н., суд полагает, что другая, более мягкая мера пресечения в отношении нее, в том числе залог и запрет определенных действий избрана не может быть.

В этом объяснении отсутствует конкретика, поскольку оно опирается на «стереотипные и абстрактные» обоснования и предположения о том, как может действовать человек, оказавшийся на месте г-жи Шевченко, в отличие от конкретных доказательств, демонстрирующих риски: например, то, что гражданине России теоретически могут скрыться в странах Прибалтики, не означает, что есть вероятность того, что он или она это сделают. В течение следующих двух лет

---

<sup>167</sup> См. Решение Октябрьского районного суда Ростова-на-Дону от 26 ноября 2020 г. (с указанием общих причин, таких как существование реальной возможности выезда Шевченко за границу и то, что ранее она привлекалась к административной ответственности за участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, признанной «нежелательной»).

судебные постановления о продлении срока содержания под домашним арестом Шевченко повторяли общие основания, указанные в первоначальном постановлении, без попытки конкретно связать их с Шевченко.<sup>168</sup>

Примечательно, что на одном судебном заседании по поводу продления домашнего ареста Шевченко обвинение просто заявило, что основания для домашнего ареста «не отпали», без дополнительных объяснений.<sup>169</sup> Защита возражала, указав, что обвинение не представило никаких обоснований для того, чтобы продлить лишение свободы Шевченко.<sup>170</sup> Как и в случае с предыдущими решениями о домашнем аресте, суд продлил срок, не потребовав дополнительные обоснования от обвинения.<sup>171</sup>

Это несоответствие [требованиям закона] было закреплено двумя апелляционными судами (первого и второго уровня), которые рассматривали постановления о продлении срока лишения свободы. При каждом продлении домашнего ареста Шевченко защита обжаловала это решение, утверждая, что судом, как и следователем не приведены какие-либо конкретные фактические данные, обосновывающие доводы о том, что содержание под домашним арестом было оправданным.<sup>172</sup> На каждом этапе апелляционные суды отклоняли

---

<sup>168</sup> См. постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 15 марта 2019 г. (продление домашнего ареста на три месяца, по 17 июня 2019 г. включительно); постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 14 июня 2019 г. (продление домашнего ареста на три месяца до 17 сентября 2019 г.; с изменениями, внесенными апелляционным постановлением Ростовского областного суда от 25 июня 2019 г., дело № 22К-3994/2019 (срок продления до 20 июля 2019 г.)); постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 16 июля 2019 г. (продление домашнего ареста на один месяц по 20 августа 2019 г. включительно); постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 16 августа 2019 г. (продление домашнего ареста на два месяца по 20 октября 2019 г. включительно); постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 15 октября 2019 г. (продление домашнего ареста на два месяца по 20 декабря 2019 г. включительно); постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 17 декабря 2019 г. (продление домашнего ареста на 28 суток по 17 января 2020 г. включительно); постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 31 декабря 2019 г. (продление домашнего ареста на 3 суток по 20 января 2020 г. включительно); постановление Ростовского областного суда г. Ростова-на-Дону от 16 января 2020 г. (продление домашнего ареста на два месяца по 20 марта 2020 г. включительно); постановление Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону от 18 марта 2020 г. (избрание меры пресечения в виде домашнего ареста на шесть месяцев с момента поступления уголовного дела в суд, до 1 сентября 2020 г. включительно).

<sup>169</sup> Заметки наблюдателя, 31 августа 2020 г.

<sup>170</sup> Там же.

<sup>171</sup> Там же.

<sup>172</sup> См. кассационная жалоба [на Постановление Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 16 июля 2019 г. о продлении срока содержания под домашним арестом до 20 августа 2019 г. и Апелляционное Постановление Ростовского областного суда от 30 июля 2019 г.], Сергей Бадамшин, представитель Анастасии Шевченко, дело № 11902007712000003, 26 ноября 2019 г., стр. 3; апелляция [на постановление Ленинского районного суда от 18 марта 2020 г. о продлении домашнего ареста до 1 сентября 2020 г.], дело № 11902007712000003, С.А. Ковалевич, представитель Анастасии Шевченко, 19 марта 2020 г., стр. 3; кассационная жалоба [на постановление Ленинского районного суда от 31 декабря 2019 г. о продлении домашнего ареста до 20 января 2020 г. и решение Апелляционного суда Ростовской области о продлении срока], Сергей Бадамшин, представитель Анастасии Шевченко, дело № 11902007712000003, [без даты], стр. 3–5 (указывает на отсутствие фактических данных, подтверждающих утверждение суда о том, что Шевченко может покинуть страну или пытаться скрыться от суда); апелляция [на постановление Октябрьского районного суда от 18 марта 2020 г. о продлении домашнего ареста

апелляции, продлевая домашний арест Шевченко, не требуя от судов низшей инстанции представить доказательства того, почему лишение свободы обоснованно в данных обстоятельствах.

В соответствии с практикой Комитета ООН по правам человека и Европейского суда избрание домашнего ареста без конкретных оснований нарушило право Шевченко не подвергаться произвольному лишению свободы.

Кроме того, содержание Шевченко под домашним арестом в период с 23 января 2020 г. по 26 февраля 2020 г. не соответствовало установленной правовой процедуре, следовательно, было незаконным согласно МПГПП и ЕКПЧ: а именно превышало максимальный срок лишения свободы в ходе предварительного расследования в соответствии с российским законодательством.

Российское законодательство предусматривает домашний арест как форму лишения свободы подозреваемых или обвиняемых, на период «предварительного расследования», который заканчивается после составления обвинительного заключения;<sup>173</sup> соответствующие положения указывают, что домашний арест избирается на срок до двух месяцев, с возможностью продления по решению суда по окончании этого срока.<sup>174</sup> Любое продление домашнего ареста на срок более 12 месяцев может быть сделано только в «исключительных случаях», когда данное лицо обвиняется в совершении «особо тяжких преступлений», и не дольше, чем абсолютный срок в 18 месяцев, после чего данное лицо должно быть выпущено на свободу.<sup>175</sup> «Особо тяжкие преступления» определяются в российском законодательстве как преступления, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более десяти лет или более суровое наказание.<sup>176</sup> За преступление, в котором обвиняется Шевченко, может предусматриваться наказание в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет,<sup>177</sup> что делает его по российскому законодательству «тяжким преступлением»<sup>178</sup>, но не «особо тяжким преступлением». Максимальный срок, в течение которого власти могли законно

---

до 1 сентября 2020 г.], Сергей Бадамшин, представитель Анастасии Шевченко, дело № 1190200771200003, стр. 2–3.

<sup>173</sup> См. УПК РФ, ст. 215.

<sup>174</sup> Там же, ст. 107(2).

<sup>175</sup> Там же (определяет, что максимальный срок домашнего ареста совпадает со сроком, указанным в статье 109, которая в соответствующей части предусматривает следующее: «Срок содержания под стражей свыше 12 месяцев может быть продлен лишь в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, судьей суда, указанного в части третьей статьи 31 настоящего Кодекса, или военного суда соответствующего уровня по ходатайству следователя, внесенному с согласия в соответствии с подследственностью Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при соответствующем федеральном органе исполнительной власти), до 18 месяцев»).

<sup>176</sup> УПК РФ ст. 15(5).

<sup>177</sup> Там же, ст. 284.1.

<sup>178</sup> Там же, ст. 15(4). К тяжким преступлениям относятся те, за которые предусматривается наказание в виде тюремного заключения на срок до десяти лет.

держат Шевченко под домашним арестом до предъявления обвинения, составляет 12 месяцев.

Срок лишения свободы Шевченко на предварительном расследовании превысил 12 месяцев, поскольку ее задержание началось 23 января 2019 года, а обвинительное заключение против нее было утверждено только 26 февраля 2020 г.<sup>179</sup> Таким образом, пребывание Шевченко под домашним арестом с 23 января 2020 г. по 26 февраля 2020 г. не соответствовало российскому законодательству и нарушало положения статьи 9 МПГПП и статьи 5 ЕКПЧ.

## **С. НАРУШЕНИЯ В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

### **Право на презумпцию невиновности**

#### *Международные и региональные стандарты*

Презумпция невиновности является краеугольным камнем права на справедливое судебное разбирательство. Она требует, чтобы любой обвиняемый в совершении преступления считался невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в соответствии с процедурой, установленной национальным законодательством, и в соответствии с международным правом.<sup>180</sup> По мнению Комитета ООН по правам человека, презумпция невиновности «возлагает обязанность доказывания на обвинение, гарантирует, что никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, пока виновность не была доказана вне всяких разумных сомнений, обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого, и требует, чтобы с лицами, которым предъявляются обвинения в совершении уголовного деяния, обращались в соответствии с этим принципом».<sup>181</sup> Презумпция невиновности включает в себя принцип *in dubio pro reo*, в соответствии с которым суд после завершения представления доказательств должен разрешить любые имеющиеся сомнения в пользу подсудимого.<sup>182</sup> Таким образом, Европейский суд постановил, что «отклонение всех доказательств в пользу ответчика без

<sup>179</sup> См. апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции г. Сочи, дело № 55к-46/2020, 29 января 2020 г. Это решение немного меняет (разрешая короткие ежедневные прогулки и делая некоторые другие уступки) постановление Ростовского областного суда от 16 января 2020 г., которым домашний арест Шевченко был продлен до 20 марта 2020 г. — до 14 месяцев домашнего ареста.

<sup>180</sup> МПГПП, статья 14(2) предусматривает следующее: «Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана согласно закону». То же самое предусматривает статья 6(2) ЕКПЧ. См. также Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 32, док. ООН ССРР/С/ГС/32, 23 августа 2007 г., п. 30.

<sup>181</sup> Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 32, док. ООН ССРР/С/ГС/32, 23 августа 2007 г., п. 30. См. также Комитет по правам человека, «Саидов против Таджикистана», док. ООН ССРР/С/122/D/2680/2015, 20 сентября 2018 г., п. 9.4.

<sup>182</sup> См. Европейский суд по правам человека (Большая палата), «Навальный против Российской Федерации», прил. № 29580/12 и др., 15 ноября 2018 г., пп. 83–4 (подтверждающая цитата из решения соответствующей палаты).

обоснования» нарушает презумпцию невиновности, возлагая «чрезвычайное и неподъемное бремя доказывания».<sup>183</sup>

Соответственно, обвинительный приговор, недостаточно обоснованный и имеющий несоответствия и противоречия в доказательной базе, может противоречить презумпции невиновности.<sup>184</sup> Европейский суд постановил, что «в решениях судов и трибуналов должны надлежащим образом указываться мотивы, на которых они основаны»<sup>185</sup>, включая оценку надежности и точности соответствующих доказательств. Например, в деле *Нечипорук и Йонкало* Европейский суд рассмотрел дело, в котором суд, вынесший обвинительный приговор, не рассмотрел в достаточной мере аргументы подсудимого о том, что ключевого свидетеля обвинения могли принудить к даче таких показаний.<sup>186</sup> Осудив заявителя на основании этих показаний без объяснения того, почему они заслуживают доверия, и «проигнорировав конкретные, актуальные и важные аргументы заявителя», указанные защитой<sup>187</sup>, суд нарушил презумпцию невиновности и, в более широком смысле, право подсудимого на справедливое судебное разбирательство.

#### *Позиции обвинения и защиты*

Осуждение Октябрьским районным судом Шевченко фактически сместило бремя доказывания, поскольку обвинение не смогло без обоснованных сомнений доказать некоторые элементы своей версии. По итогам рассмотрения остались ключевые факторы неопределенности, которые суд был обязан разрешить в пользу Шевченко. Вместо этого, осудив Шевченко, суд отказал ей в праве считаться невиновной до тех пор, пока ее вина не будет доказана.

В частности, защита поставила под сомнение такие аспекты позиции обвинения, как то, является ли ОСД «Открытая Россия» тем же самым, что и иностранная неправительственная организация «Open Russia (Великобритания)», которая была признана «нежелательной» российскими властями; является ли ОСД «Открытая Россия» «неправительственной организацией» по смыслу статьи 284.1 Уголовного кодекса; и может ли ОСД «Открытая Россия» считаться «иностранной» или «международной» организацией по смыслу статьи 284.1 Уголовного кодекса.

Что касается утверждения стороны обвинения о том, что Шевченко участвовала в организации, входящей в список «нежелательных»<sup>188</sup>, защита представила

<sup>183</sup> См. там же (со ссылкой на судебный прецедент с аналогичными выводами).

<sup>184</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Айдарич против Хорватии», прил. № 20883/09, 13 декабря 2011 г., пп. 46–52.

<sup>185</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Нечипорук и Йонкало против Украины», прил. № 42310/04, 21 апреля 2011 г., п. 272.

<sup>186</sup> См. там же, пп. 277–281.

<sup>187</sup> См. там же, п. 280. См. также Европейский суд по правам человека, «Ростомашвили против Грузии», прил. № 13185/07, 8 ноября 2018 г., пп. 59–60.

<sup>188</sup> В списке «нежелательных иностранных или международных неправительственных организаций», опубликованном Прокуратурой Российской Федерации, в настоящее время указаны

убедительные доказательства обратного, которые обвинение не попыталось опровергнуть. Особенно опасным для позиции обвинения стало публичное заявление официального представителя Генпрокуратуры Александра Куренного о том, что Общественное сетевое движение «Открытая Россия» не является иностранной НПО «Open Russia», которая была отнесена к «нежелательным», и сама не считается «нежелательной» организацией.<sup>189</sup> Защита неоднократно подчеркивала этот факт во время судебного процесса, в том числе на основании показаний Шевченко и двух других свидетелей защиты, которые участвовали в движении.<sup>190</sup>

Более того, обвинение не доказало, что ОСД «Открытая Россия» является «неправительственной организацией», как это указано в российском законодательстве. На вопрос обвинения, как в законе определяется термин «иностранная организация», свидетель обвинения Виктория Логачева, начальник отдела по делам некоммерческих организаций Главного управления Министерства юстиции России по Ростовской области, ответила, что такая организация должна быть «создана за пределами Российской Федерации в соответствии с законодательством иностранного государства, ну и если это некоммерческая неправительственная организация, в ней не участвуют государственные органы, соответственно она не извлекает прибыль, не создается для извлечения прибыли и разделения ее между участниками».<sup>191</sup> Логачева заявила, что при рассмотрении Устава ОСД «Открытая Россия» выяснилось, что движение было создано в соответствии с российским Законом «Об общественных объединениях» и что «объединения» юридически отличаются от «организаций», регистрация и деятельность которых регулируются другим законом.<sup>192</sup> Как описано выше,

---

40 организаций. Среди них: «Open Russia Civic Movement, Open Russia (Общественное сетевое движение «Открытая Россия») (Великобритания)» и «OR (Otkrytaya Rossia) (Открытая Россия) (Великобритания)» (с 8 ноября 2017 г. — «HUMAN RIGHTS PROJECT MANAGEMENT»). В списке не указаны регистрационный номер или другая идентифицирующая информация рассматриваемых организаций. Тот факт, что в списке есть две записи с названием «Open Russia», говорит о потенциальной путанице при классификации. См. Министерство юстиции Российской Федерации, «Список иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации». Доступно по адресу: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>.

<sup>189</sup> В апреле 2017 года местный новостной сайт «Эхо Москвы» сообщил, что официальный представитель Генеральной прокуратуры подтвердил, что термин «нежелательная» относительно «Open Russia» применяется только к двум организациям, зарегистрированным в Великобритании. Основанное в России движение «Открытая Россия» к ним не относится. Его слова были процитированы на новостном сайте: «Данные, которые мы опубликовали [о списке «нежелательных организаций»], не относятся к общественному сетевому движению «Открытая Россия». Опубликованные сведения касаются движений, признанных нежелательными на территории Российской Федерации. Это следующие британские движения, зарегистрированные в Англии: «Open Russia», Open Russia Civic Movement и Open Russia. Что касается общественного сетевого движения «Открытая Россия», как я уже сказал, мы ничего не имеем против его деятельности». См. Эхо Москвы, «Генпрокуратура назвала нежелательными две организации под названием «Открытая Россия», 26 апреля 2017 г.

<sup>190</sup> См. Заметки наблюдателя, 15 января 2021 г.; Заметки наблюдателя, 28 января 2021 г.

<sup>191</sup> См. Заметки наблюдателя, 10 декабря 2020 г.

<sup>192</sup> См. так же («[Защитник] Бадамшин: [зачитывает Устав ОСД «Открытая Россия»]....

Соответствует ли это российскому законодательству и опять же вопрос, на основании хотя бы вот

свидетели защиты Мария Баронова и Алексей Прянишников, которые оба принимали участие в создании ОСД «Открытая Россия», показали, что юридически движение было не «неправительственной организацией», а «объединением», созданным в соответствии с российским законом «Об общественных объединениях».<sup>193</sup>

Более того, обвинение даже не смогло доказать, было ли ОСД «Открытая Россия» «иностранный» или «международной» организацией, или было ли связано с какой-либо иностранной организацией. Логачева признала во время перекрестного допроса, что, хотя она сказала следователям, что считает, что ОСД «Открытая Россия» является «иностранный» организацией, поскольку была основана в Хельсинки, на самом деле местонахождение организации не является главным показателем для определения того, является ли организация «иностранный» согласно российскому законодательству. Исходя из Устава, ОСД «Открытая Россия» выглядит российским, а не иностранным движением,<sup>194</sup> создание общественного движения за рубежом не запрещено российским законодательством.<sup>195</sup> Кроме того, свидетель защиты и соучредитель ОСД «Открытая Россия» Мария Баронова заявила, что движение не было зарегистрировано в другой стране, не связано с какой-либо другой страной, и что иностранные граждане не имеют право быть его участниками.<sup>196</sup>

---

этих тезисов, которые мы сейчас вот изучили, первые 3 страницы этот устав он ближе к российскому пониманию устава общественного объединения некоммерческого объединения либо иностранному? Соответствует ли это российскому законодательству, и опять же вопрос, на основании хотя бы вот этих тезисов, которые мы сейчас вот изучили, первые 3 страницы, этот устав ближе к российскому пониманию устава общественного некоммерческого объединения, либо иностранному? Логачева: «С учетом того, что рассмотрели, соответствует Закону «Об общественных объединениях» Российской Федерации»).

<sup>193</sup> См. Заметки наблюдателя, 15 января 2021 г. («[Адвокат] Ковалевич: Скажите, пожалуйста, зарегистрирована ли «Открытая Россия» как организация, как и где она была зарегистрирована: в России, в Великобритании или в другой стране? Как это происходило? Баронова: Нет. «Открытая Россия» не имела ничего общего с другими странами; мы никак не взаимодействовали ни с одной другой страной. Что касается России, то с самого начала было очевидно, что в нынешней полу-авторитарной, откровенно полу-авторитарной ситуации нас вряд ли регистрируют. Именно поэтому мы действовали на основании 82 Федерального закона, который позволяет гражданам Российской Федерации мирно и добровольно собираться в ассоциации и становиться их участниками без разрешения правительства и местных властей»). Заметки наблюдателя, 28 января 2021 г.

<sup>194</sup> См. Заметки наблюдателя, 10 декабря 2020 г. («Адвокат Бадамшин: [зачитывает Устав ОСД Открытая Россия] ... «обязанности движения: соблюдать в своей деятельности Конституцию Российской Федерации, международные нормативные акты, федеральные конституционные законы, федеральный закон, иные нормативно-правовые акты Российской Федерации, не противоречащие Конституции Российской Федерации, а также настоящий Устав. То есть в соответствии с этим пунктом можно ли говорить, что это иностранная организация, допускаете ли вы? Вы признаете, что это иностранная организация, либо больше соответственно похоже на российскую организацию?» Логачева: «больше похоже на российскую»).

<sup>195</sup> Там же («Адвокат Бадамшин: «Скажите, пожалуйста, существуют в федеральном законодательстве ограничения на создание общественного объединения в виде движения российскими, но на территории другой страны? Ну то есть учредительный съезд провести, например, в городе Киеве...». Логачева: «В законе такого ограничения нет»).

<sup>196</sup> См. Заметки наблюдателя, 15 января 2021 г.; Заметки наблюдателя, 28 января 2021 г.



Наконец, защита представила доказательства из реестра организаций Великобритании о том, что в этой стране не зарегистрирована НПО под названием «Open Russia Civic Movement»,<sup>197</sup> что поставило под дополнительные сомнения утверждение обвинения о том, что ОСД «Открытая Россия» является «иностранный НПО» согласно российскому законодательству. Как отмечалось выше, свидетель обвинения Логачева пояснила, что для того, чтобы считаться иностранной НПО, организация должна быть создана в соответствии с законодательством иностранного государства.

Тем не менее, в заключительных аргументах обвинение утверждало, что Логачева подтвердила, что ОСД «Открытая Россия» была «иностранный неправительственной организацией».<sup>198</sup> Обвинение не предприняло попыток определить разницу между «объединением» и «организацией» в соответствии с российским законодательством или тот факт, что подобной организации не было зарегистрировано в Великобритании.

### Оценка суда

В свете вышеизложенного существовали многочисленные и существенные неопределенности, касающиеся непосредственно того, действительно ли Шевченко совершила действия, в которых ее обвиняют — участие в деятельности «нежелательной» иностранной НПО. В соответствии с принципом *in dubio pro reo* суд должен был разрешить эти сомнения в ее пользу. Это особенно справедливо с учетом того, что ее дело было одним из первых, по которому было возбуждено уголовное дело по статье 284.1, которую, как отмечалось выше, критиковали как слишком расплывчатую в отношении определения «нежелательных» организаций и их деятельности.<sup>199</sup>

Однако суд вынес решение о виновности Шевченко, не рассмотрев эти вопросы по существу. В отношении заявления прокурора Александра Куренного о том, что на деятельность ОСД «Открытая Россия» не повлияло включение организации «Open Russia (Великобритания)» в список нежелательных организаций, приговор замалчивает этот явный недочет:

---

<sup>197</sup> См. Заметки наблюдателя, 28 января 2021 г.

<sup>198</sup> См. Заметки наблюдателя, 4 февраля 2021 г.

<sup>199</sup> Венецианская комиссия, «Заключение по Федеральному закону № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (Федеральный закон «О нежелательной деятельности иностранных и международных неправительственных организаций)», Заключение № 814/2015, 13 июня 2016 г., п. 41. Доступно по адресу: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)020-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)020-rus) («Несмотря на объяснения, данные властями, Венецианская комиссия считает, что из-за отсутствия конкретных критериев/запретов за нарушения, совершенные НКО и расплывчатые и неточные условия, как основания, в соответствии с которыми деятельность иностранной или международной НКО может быть признана «нежелательной», Федеральный закон не может рассматриваться как соответствующий требованиям законности в соответствии со статьей 11(2) ЕКПЧ»).

Доводы защитника о характере выступления представителя Генеральной прокуратуры Российской Федерации Куренного А.В. по радио «Эхо Москвы» не имеют отношения к обстоятельствам, исследованным в судебном заседании о действиях Шевченко А.Н. в г. Ульяновске и в г. Ростове-на-Дону во время участия в мероприятиях, которые проводились ОСД «Открытая Россия».<sup>200</sup>

Точно так же суд не провел конкретного анализа относительно возможности отнесения ОСД «Открытая Россия» к объединениям, а не неправительственным организациям - к тому же к российским объединениям. Вместо этого в приговоре неоднократно упоминается заявленная последовательность, логичность и отсутствие противоречий в позиции обвинения:

Оценивая исследованные в ходе судебного разбирательства показания указанных выше свидетелей обвинения, суд находит их соответствующими действительности и доверяет им, поскольку свидетели не заинтересованы в исходе дела, предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Их показания последовательны, логичны, не содержат существенных противоречий, согласуются между собой, а также объективно подтверждаются иными письменными доказательствами по уголовному делу, приведенными судом выше, которые суд оценивает в их совокупности. Не доверять показаниям свидетелей обвинения у суда оснований не имеется, поскольку у данных лиц отсутствуют основания для оговора подсудимой и заинтересованность в исходе дела.<sup>201</sup>

Не упоминается тот факт, что, как неоднократно заявляла защита, свидетель обвинения Логачева заявила, что соответствующие критерии позволяют предположить, что ОСД «Открытая Россия» была российским общественным объединением. Помимо общих заявлений о том, что «с момента инцидента прошло много времени, и, принимая во внимание индивидуальные особенности и индивидуальное восприятие, допрошенные свидетели высказывают свое видение событий или не помнят некоторых деталей того, что произошло»<sup>202</sup>, нет упоминаний о серьезных несоответствиях, отмеченных защитой, в показаниях свидетелей обвинения, таких как показания Шильченко, который не смог вспомнить

---

<sup>200</sup> См. Октябрьский районный суд г. Ростова-на-Дону, приговор [по делу Анастасии Шевченко], 18 февраля 2021 г., стр. 63.

<sup>201</sup> См. там же, стр. 59.

<sup>202</sup> Там же.

подробности события в Таганроге и не смог подтвердить, что Шевченко в своей речи упоминала Великобританию.

Безоговорочно признавая правдивость позиции обвинения, суд отклоняет доказательства, представленные защитой, не исследуя их по существу и не пытаясь оценить, как такие доказательства могут повлиять на доводы обвинения. В приговоре, например, отклонены показания Шевченко о не иностранном характере ОСД «Открытая Россия» на том основании, что они «противоречат всем материалам уголовного дела, рассмотренного в ходе судебного разбирательства», без каких-либо дополнительных объяснений:

Суд критически относится к показаниям подсудимой Шевченко А.Н. о том, что она была участником [ОСД] «Открытая Россия», не являющегося которое не является иностранным неправительственным Движением, утверждающей, что данная организация не связана с Великобританией, там не зарегистрирована, является общественной, в связи с чем существует на деньги участников, считает их несоответствующими действительности, **поскольку они противоречат всем исследованным в ходе судебного следствия материалам уголовного дела**, в том числе протоколам следственных действий, заключениям экспертов, результатам оперативно-розыскной деятельности, показаниям свидетелей обвинения и иным исследованным материалам дела, и полагает, что такие показания являются способом защиты подсудимой, даны ею с целью избежать уголовной ответственности за содеянное.<sup>203</sup>

Суд применяет аналогичный подход к другим свидетелям защиты, заявляя, что показания Бароновой и Прянишникова «не могут быть признаны судом действительными, поскольку из совокупности доказательств обвинения и защиты, исследованных судом ... было достоверно известно, что [ОСД] «Открытая Россия» является иностранной организацией, поскольку эта информация находилась в открытом доступе».<sup>204</sup> В приговоре также полностью отклоняются доказательства защиты о том, что в Великобритании не зарегистрирована какая-либо организации под названием «Открытая Россия», по-видимому, на том основании, что эти доказательства не соответствовали собственной позиции российского правительства по данному вопросу:

Учитывая, что согласно приобщенным защитой сведениям из Реестра Регистрационной палаты

<sup>203</sup> См. там же, стр. 62 [жирный шрифт добавлен].

<sup>204</sup> Там же.

Великобритании, полученных по запросу стороны защиты нотариусом Майклом Робертом Линдли от 12.04.2019 года, регистрационная палата не проверяет достоверность отображаемой информации, суд критически относится к данному доказательству стороны защиты и полагает невозможным положить его в основу приговора, **поскольку эти сведения не отражают мнение государственных органов**, и полнота и достоверность представленных в данных документах сведений вызывает сомнение.<sup>205</sup>

«Отклонив все доказательства в пользу [Шевченко]», суд нарушил презумпцию невиновности.

Соответственно, приговор неадекватно аргументирован, что противоречит требованию о том, чтобы суды взвешивали и объясняли ценность различных доказательств при вынесении решения. Как заявил Европейский суд, такие недостатки в обосновании могут нарушить презумпцию невиновности.<sup>206</sup> В настоящем деле приговор просто резюмирует показания свидетелей обвинения в том порядке, в котором они давали показания в ходе разбирательства<sup>207</sup>, а затем резюмирует все представленные вещественные доказательства<sup>208</sup> без объяснения доказательной силы соответствующих фрагментов доказательств обвинения. В конце суд приводит в сокращенной форме доказательства, представленные защитой<sup>209</sup>, и объявляет Шевченко виновной.

Примечательно, что, по крайней мере у одного свидетеля обвинения были явные основания для личной предвзятости в отношении Шевченко. Сергей Рулев, журналист, который свидетельствовал в пользу обвинения о том, что ОСД «Открытая Россия» является иностранной организацией, и что он видел, как Шевченко участвовала в нескольких мероприятиях, связанных с «Открытой Россией»,<sup>210</sup> ранее подавал жалобу об административном правонарушении в отношении несовершеннолетней дочери Шевченко в прокуратуру Таганрога в августе 2019 года, заявив, что она оскорбила его в Facebook.<sup>211</sup> В конечном итоге прокуратура отказалась возбуждать дело из-за возраста девушки, но этот инцидент

---

<sup>205</sup> См. там же, стр. 64 [жирный шрифт добавлен].

<sup>206</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Айдарич против Хорватии», прил. № 20883/09, 13 декабря 2011 г., пп. 46–52; Европейский суд по правам человека, «Нечипорук и Йонкало против Украины», прил. № 42310/04, 21 апреля 2011 г., п. 272.

<sup>207</sup> См. Октябрьский районный суд г. Ростова-на-Дону, приговор [по делу Анастасии Шевченко], 18 февраля 2021 г., стр. 7–20.

<sup>208</sup> См. там же, стр. 20–46.

<sup>209</sup> См. там же, стр. 46–49.

<sup>210</sup> См. там же, стр. 7.

<sup>211</sup> См. постановление прокуратуры Ленинского района г. Ростова-на-Дону об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении от 9 августа 2019 г. (отказ в возбуждении дела об административном правонарушении в отношении несовершеннолетней дочери Шевченко).

предполагает, что существуют основания сомневаться в беспристрастности Рулева по отношению к Шевченко.

Неспособность суда правильно оценить ценность таких показаний и других доказательств обвинения (помимо вышеупомянутых обобщенных утверждений о том, что доказательства обвинения были последовательными и логичными), представляет собой дополнительное нарушение презумпции невиновности.

### *Предопределенный результат*

Несмотря на вышесказанное, суд в своем приговоре приходит к заключению не только о том, что Шевченко «участвовала в деятельности иностранной неправительственной организации», но и о том, что она делала это сознательно и со злым умыслом:

Шевченко А. Н., осознавая, что в течение года она дважды привлечена к административной ответственности за участие в деятельности иностранной неправительственной организации - Общественное сетевое движение «Открытая Россия», достоверно зная о том, что деятельность данной организации признана нежелательной на территории Российской Федерации, продолжа[ла] реализацию умысла на участие в ее деятельности, **действуя умышленно, в целях посягательства на основы конституционного строя и безопасности государства, создавая угрозу защищенности интересов российских граждан.**<sup>212</sup>

Этот необоснованный вывод наводит на мысль о том, что исход по делу Шевченко был предопределен заранее. Полное отклонение доказательств, опровергающих позицию российского правительства, и готовность принять утверждения обвинения, даже если они непровержимо оспариваются защитой, показывают, что суд возложил на Шевченко «чрезвычайное и неподъемное бремя доказывания» своей невиновности и что ее вина была предрешена, что противоречит презумпции невиновности.

## **D. ДРУГИЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ**

### **Право на конфиденциальность**

Статья 17(1) МПГПП предусматривает, что «[н]икто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции». Любое вмешательство в это право

<sup>212</sup> Октябрьский районный суд Ростова-на-Дону, приговор [по делу Анастасии Шевченко], 18 февраля 2021 г., стр. 50 [жирный шрифт добавлен].

должно выполняться: i) в соответствии с законом<sup>213</sup>, который является «достаточно доступным, ясным и точным, чтобы человек мог обратиться к закону и выяснить, кто уполномочен проводить слежку и при каких обстоятельствах»,<sup>214</sup> ii) если это необходимо для достижения законной цели и соответствует ей.<sup>215</sup>

Статья 8(1) ЕКПЧ гарантирует каждому «право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции». В соответствии с Европейской конвенцией это право может быть нарушено только в том случае, если такое вмешательство i) предусмотрено законом и ii) необходимо в демократическом обществе для достижения законной цели<sup>216</sup>, установленной в Конвенции<sup>217</sup>, то есть соответствует «насущной социальной потребности», а также соответствует законной цели, которую необходимо достичь.<sup>218</sup>

В контексте слежки государства за своими гражданами Европейский суд постановил, что недостаточно того, что слежка предусмотрена законом; сам закон также должен соответствовать принципу верховенства права.<sup>219</sup> Это означает, что внутреннее законодательство должно быть «достаточно ясным в своих формулировках, чтобы дать гражданам адекватное указание на обстоятельства и условия, при которых государственные органы имеют право прибегать к любым подобным негласным мерам».<sup>220</sup>

В деле *Захаров против России* суд, оценивая использование Россией тайного наблюдения, подтвердил свою позицию, согласно которой национальное законодательство должно четко указывать «объем» и «способ» использования мер наблюдения, чтобы гарантировать защиту граждан от злоупотребления.<sup>221</sup>

---

<sup>213</sup> См. Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 16: статья 17 (Право на уважение частной жизни), 8 апреля 1988 г., п. 3.

<sup>214</sup> См. Верховный комиссар ООН по правам человека, «Отчет: право на уважение частной жизни в эпоху цифровых технологий», док. ООН A/HRC/27/37, 30 июня 2014 г., п. 23.

<sup>215</sup> Там же. См. также Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 16: статья 17 (Право на уважение частной жизни), 8 апреля 1988 г., пп. 4, 7–8.

<sup>216</sup> Законные цели, ради которых может быть ограничено право на уважение частной жизни, предусмотрены статьей 8(2): «в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

<sup>217</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Сабо и Виши против Венгрии», прил. № 37138/14, 12 июня 2016 г., п. 54 (цитата из предыдущего дела).

<sup>218</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Даджен против Соединенного Королевства», прил. № 7525/76, 22 октября 1981 г., пп. 51–53. См. также Европейский суд по правам человека, «Роман Захаров против Российской Федерации», прил. № 47143/06, 4 декабря 2015 г., п. 227.

<sup>219</sup> См. также Европейский суд по правам человека, «Хан против Соединенного Королевства», прил. № 35394/97, 12 мая 2000 г., п. 26.

<sup>220</sup> Европейский суд по правам человека, «Халфорд против Соединенного Королевства», прил. № 20605/92, 25 июня 1997 г., п. 49. См. также Европейский суд по правам человека, «Хан против Соединенного Королевства», прил. № 35394/97, 12 мая 2000 г., п. 26.

<sup>221</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Захаров против Российской Федерации», прил. № 47143/06, 4 декабря 2015 г., п. 230. Суд определил следующие гарантии, которые должны быть изложены в законе, чтобы избежать злоупотребления властью: «характер правонарушений, которые могут повлечь за собой постановление о прослушивании; определение категорий лиц, телефоны которых могут прослушиваться; ограничение продолжительности прослушивания

Установив нарушение статьи 8, суд заявил: «Положения российского законодательства, регулирующие перехват сообщений, не обеспечивают адекватных и эффективных гарантий против произвола и риска злоупотреблений, которые присущи любой системе тайного наблюдения... В частности, обстоятельства, при которых государственные органы имеют право прибегать к мерам тайного наблюдения, определены недостаточно четко».<sup>222</sup>

Суд также постановил, что органы, уполномоченные законом разрешать проведение мер тайного наблюдения по уголовным делам, «должны быть способны проверить наличие разумных подозрений в отношении соответствующего лица, в частности, есть ли фактические основания подозревать это лицо в планировании или совершении преступных действий или других действий, которые могут потребовать тайного наблюдения».<sup>223</sup> Кроме того, уполномочивающий орган должен оценить необходимость тайного наблюдения в демократическом обществе и его соответствие поставленным целям.<sup>224</sup> С этой целью национальный орган должен рассмотреть, может ли соответствующая цель быть достигнута с помощью менее ограничительных мер.<sup>225</sup>

В своем решении *Дудченко против России* Европейский суд рассмотрел еще одно заявление из России по статье 8, на этот раз касающееся санкционированного судом прослушивания телефонных разговоров подозреваемого в ходе уголовного расследования. При определении того, было ли вмешательство законным, суд напомнил ранее сделанный им вывод о том, что российское законодательство не обеспечивает адекватных гарантий против злоупотреблений, и обнаружил, что эти недостатки не были устранены.<sup>226</sup> Суд также пришел к выводу, что, разрешив прослушивание телефонных разговоров в течение 180 дней, национальный суд нарушил права заявителя по статье 8, поскольку недостаточно проанализировал доказательства, представленные сотрудниками полиции, которые потребовали принятия таких мер:

---

телефонных разговоров; порядок изучения, использования и хранения полученных данных; меры предосторожности, которые необходимо предпринять при передаче данных другим сторонам; и обстоятельства, при которых записи могут или должны быть стерты или уничтожены». См. там же, п. 231.

<sup>222</sup> См. там же, п. 302.

<sup>223</sup> См. там же, п. 260.

<sup>224</sup> Там же. См. также Европейский суд по правам человека, «Драгоевич против Хорватии», прил. № 68955/11, 15 июня 2015 г., п. 94.

<sup>225</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Захаров против Российской Федерации», прил. № 47143/06, 4 декабря 2015 г., п. 260.

<sup>226</sup> Европейский суд по правам человека, «Дудченко против Российской Федерации», прил. № 37717/05, 7 ноября 2017 г., пп. 95–97. В более раннем решении по делу *Захаров против России* суд отметил, что Конституционный суд России ранее постановил, что национальный суд, дающий разрешение на наблюдение, должен проверить наличие обоснованных подозрений и разрешить наблюдение только в том случае, если соблюдены требования необходимости и соразмерности; однако национальные суды не обязаны следовать этому руководству, и Европейский суд установил, что на практике российские судьи не проводят такой анализ, прежде чем выдать разрешение на использование тайного наблюдения. См. Европейский суд по правам человека, «Захаров против Российской Федерации», прил. № 47143/06, 4 декабря 2015 г., пп. 262–263.

Хотя [национальный] суд отметил без каких-либо дополнительных подробностей, что сотрудники [по]лиции имели «следственную информацию», что заявитель являлся главарем банды и планировал совершить вымогательство ... он не упомянул каких-либо фактов или информации, которые могли бы удовлетворить объективного наблюдателя, что заявитель мог совершить или планировал преступления. Отсутствуют доказательства того, что любая информация или документы, подтверждающие подозрение против заявителя, фактически были представлены судье.<sup>227</sup>

Соответственно, суд установил, что российский суд не смог ни одного - ни провести необходимую оценку «обоснованности» и «соразмерности» перед тем, как выдать разрешение на наблюдение, ни продемонстрировать отсутствие альтернатив наблюдению помимо «расплывчатого и необоснованного» заявления о том, что «казалось невозможным получить информацию, необходимую для раскрытия незаконной деятельности [заявителя], путем открытого расследования».<sup>228</sup> По мнению суда, указанное объяснение не было «достаточным» в свете вмешательства в право подозреваемого на уважение частной жизни.<sup>229</sup> Это, в сочетании с тем фактом, что суд не смог установить наличие «обоснованных подозрений» в отношении уголовных обвинений, привело к нарушению статьи 8.<sup>230</sup>

Ввиду вышеизложенного, меры негласного наблюдения, примененные в отношении Шевченко и ее семьи, нарушили ее право на уважение частной жизни, а также положения статьи 17 МПГПП и статьи 8 ЕКПЧ. В случае с Шевченко, помимо прослушивания ее телефонных разговоров, Пролетарский районный суд г. Ростова-на-Дону санкционировал использование секретных камер и аудио записывающих устройств в доме Шевченко, в том числе камеры, направленной прямо на ее кровать, в первоначальный период наблюдения в 120 дней, который впоследствии был продлен еще на 120 дней.<sup>231</sup> Записи, сделанные с помощью этих устройств, включают множество кадров, на которых Шевченко находится в спальне, иногда частично раздетая, и разговаривает со своими несовершеннолетними детьми и престарелой матерью.<sup>232</sup>

Как указывалось в деле *Дудченко*, российское законодательство, применимое к операциям тайного наблюдения, которое осталось неизменным по существу, как и

<sup>227</sup> Европейский суд по правам человека, «Дудченко против Российской Федерации», прил. № 37717/05, 7 ноября 2017 г., п. 97.

<sup>228</sup> См. там же, п. 98.

<sup>229</sup> Там же.

<sup>230</sup> Там же, пп. 99–100.

<sup>231</sup> См. постановление Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону № 815 об ограничении права на неприкосновенность жилища от 30 ноября 2018 г.

<sup>232</sup> См. BBC News, «Русская камера в кондиционере в спальне „шпионила за активистом“», 24 января 2020 г. Доступно по адресу: <https://www.bbc.com/news/world-europe-51240977>.



при вынесении решения по этому делу, не соответствует требованию «качества закона» ЕКПЧ и МПГПП, что означает, что оно создает возможности для злоупотреблений со стороны властей. Положение Закона об оперативно-розыскной деятельности, которое было процитировано для оправдания слежки в деле Шевченко, содержит всего одно слово для описания принятых мер — «наблюдение».<sup>233</sup> Закон не содержит ограничивающих гарантий или указаний относительно обстоятельств и способов, при которых российские власти могут осуществлять «наблюдение» за отдельными лицами, как того требуют статья 17 МПГПП и статья 8 ЕКПЧ. Мало ясности дает статья 186 Уголовно-процессуального кодекса, которая позволяет суду давать разрешение на контроль и запись телефонных и иных переговоров, если есть разумные подозрения, что такое общение содержит информацию, имеющую отношение к уголовному делу, имеющему определенный уровень тяжести.<sup>234</sup>

Следовательно, как и в делах *Захарова* и *Дудченко*, применение недостаточно точного закона о слежке нарушило право Шевченко на уважение частной жизни.

Кроме того, власти нарушили право Шевченко на уважение частной жизни, поскольку наблюдение представляло собой вмешательство, которое не было необходимым или соразмерным заявленной цели. Во-первых, Пролетарский районный суд, санкционировавший наблюдение (следующие отрывки относятся к постановлению суда о продлении срока наблюдения), не подтвердил наличие разумных подозрений в том, что Шевченко совершила уголовное преступление. При оценке запроса о наблюдении единственным доказательством, представленным судом в отношении преступной деятельности Шевченко, было следующее: i) предложение о том, что она дважды ранее привлекалась к административной ответственности; и ii) абзац следующего содержания:

[П]о имеющимся оперативным данным, Шевченко А. Н., в целях оказания давления на органы власти планирует организовать акции гражданского неповиновения, с привлечением социально неудовлетворенных групп граждан, в том числе из других регионов Российской Федерации, способных оказать силовое сопротивление сотрудникам правоохранительных органов, а также сопряженных с блокированием государственных и муниципальных учреждений, федеральных автомобильных дорог, при этом используя в качестве повода для привлечения широких масс населения -

<sup>233</sup> Российская Федерация, Закон об оперативно-розыскной деятельности, статья 6(6) «Оперативно-розыскные мероприятия»: «При осуществлении оперативно-розыскной деятельности могут проводиться следующие оперативно-розыскные мероприятия: ... 6. Наблюдение».

<sup>234</sup> УПК РФ, ст. 186(1).

инициативу Правительства Российской Федерации по повышению пенсионного возраста.<sup>235</sup>

На основании этого суд считает, что действия Шевченко могут «предварительно квалифицироваться» по статье 284.1 (участие в деятельности «нежелательной» иностранной организации), статье 318 (применение насилия в отношении государственного служащего) и статье 319 (оскорбление представителя власти).

В решении отсутствуют конкретные доказательства, подтверждающие оценку того, что Шевченко «планировала» преступные действия, и отсутствует информация об упомянутых «оперативных данных». Таким образом, суд не смог провести необходимую оценку того, существуют ли разумные подозрения в отношении уголовных обвинений.

Во-вторых, Пролетарский районный суд не принял во внимание оценку «необходимости» или «соразмерности» при рассмотрении вопроса о чрезмерности использования мер негласного наблюдения, предложенных полицией в деле Шевченко. В деле *Дудченко* речь шла о прослушивании телефонных разговоров на мобильном телефоне заявителя в течение 180 дней<sup>236</sup>; в конечном итоге прослушивание его разговоров согласно соответствующему постановлению суда длилось в течение 4 дней, после чего он был арестован.<sup>237</sup> В случае с Шевченко, напротив, полиция тайно проникла в ее дом, установила записывающее оборудование и почти пять месяцев подряд наблюдала за ее спальней, самой сокровенной частью любого дома, с помощью не только аудио записывающих устройств, но и видеокамеры.

Однако вместо того, чтобы требовать от следователя конкретных и убедительных доказательств необходимости использования этой меры и сопоставить право Шевченко на уважение частной жизни с заявленной целью предотвращения преступной деятельности, Пролетарский районный суд принял как должное заявление полиции о том, что наблюдение будет полезно для расследования, и заключил следующее:

«Имеются основания предполагать, что по месту своего фактического проживания Шевченко А. Н. может хранить предметы и документы, запрещенные в гражданском обороте, а также печатные издания, электронные носители информации, мобильные телефонные устройства, содержащие материалы экстремистского

<sup>235</sup> Постановление Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону № 815 об ограничении права на неприкосновенность жилища, 30 ноября 2018 г., стр. 1.

<sup>236</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Дудченко против Российской Федерации», прил. № 37717/05, 7 ноября 2017 г., пп. 6–8. В деле Дудченко суд также рассмотрел вторую назначенную судом меру наблюдения, касающуюся конфиденциального общения с его адвокатом, но этот раздел решения не имеет отношения к настоящему делу.

<sup>237</sup> Там же, п. 13.

характера. Кроме того, указанная квартира может использоваться Шевченко А. Н. для сбора неустановленных лиц, с целью обсуждения с ними возможной преступной деятельности, в том числе планирования и подготовки преступлений против общественной безопасности и государства».<sup>238</sup>

Наконец, суд не рассмотрел вопрос о том, является ли использование секретного видео- и аудио оборудования в доме Шевченко альтернативой вмешательства наименьшей степени для достижения желаемой цели, как того требуют МПГПП и ЕКПЧ. Даже если предположить, что какая-то форма слежки за Шевченко соответствует «наущной социальной потребности» — предотвращению вредоносной деятельности иностранных организаций, что само по себе сомнительно, учитывая расплывчатость целей, сформулированных в законодательстве, необходимо было, по крайней мере, провести оценку альтернативных способов получения соответствующей информации, помимо размещения видеокамеры непосредственно над кроватью Шевченко.

В свете вышеизложенного, негласное наблюдение в доме Шевченко и ее семьи в период с августа 2018 г. по январь 2019 г. представляет собой грубейшее нарушение их права на уважение частной жизни в соответствии со статьей 17 МПГПП и статьей 8 ЕКПЧ.

Отсутствие необходимости в слежке и ее реальная бесполезность стали очевидными в ходе судебного процесса над Шевченко. Даже после пяти месяцев негласного наблюдения, основные доказательства, представленные обвинением в суде, чтобы продемонстрировать, что Шевченко совершила действия, в которых ее обвиняют, были получены из показаний свидетелей, которые присутствовали на мероприятиях в общественных местах, а также из общедоступной информации, такой как фотографии Шевченко в Facebook на митинге «#НАДОЕЛ» . Хотя обвинение во время судебного разбирательства воспроизвело ряд видеороликов из секретных записей, сделанных в доме Шевченко<sup>239</sup>, ни один из них не содержал информации, конкретно относящейся к предъявленным обвинениям, как неоднократно указывала защита.<sup>240</sup>

---

<sup>238</sup> Постановление Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону № 815 об ограничении права на неприкосновенность жилища, 30 ноября 2018 г., стр. 1.

<sup>239</sup> Заметки наблюдателя, 24 декабря 2020 г. (обвинение демонстрирует несколько видеороликов подряд, не объясняя их значение).

<sup>240</sup> См. Заметки наблюдателя, 28 января 2021 г. (на вопрос о разговоре, который она вела с дочерью и матерью в спальне, Шевченко ответила: «Во-первых, я хочу сказать, что видеосъемка дома, особенно в спальне, над кроватью женщины или мужчины, неважно, это, конечно, незаконно, и я бы никогда в жизни не подумала, что это будет считаться доказательством в суде. Причем поводом для установки видеокамеры в моей комнате, по словам Краснокутского, послужило то, что дома я могла обсуждать перекрытие проезжей части, какие-то несанкционированные мероприятия или что-то подобное. Как показала прослушка, я ничего такого не обсуждала»).

Стоит также отметить, что слежка за Шевченко с целью помешать ее «планам по организации акций гражданского неповиновения с привлечением социально неудовлетворенных групп граждан, в том числе из других регионов Российской Федерации» нарушила ее право на свободу мирных собраний. В своем недавнем Общем комментарии о праве на свободу мирных собраний Комитет ООН по правам человека отметил, что статья 21 Пакта защищает мирные собрания «где бы они ни проходили: на открытом воздухе, в помещении и в Интернете; в общественных и частных местах; или в их сочетании».<sup>241</sup> Как будет более подробно рассмотрено ниже, право на свободу мирных собраний не только «защищает участников во время и в месте проведения собрания [но] ... и распространяется на такие действия, как мобилизация ресурсов участниками или организаторами; планирование; распространение информации о предстоящем мероприятии; подготовка к мероприятию и поездка на него; [и] общение между участниками до и во время собрания» - по сути, на действия, «связанные» с собранием.<sup>242</sup> Таким образом, осуществление государством наблюдения по месту жительства Шевченко - ее «частного пространства» - с целью ограничения предполагаемого «планирования актов гражданского неповиновения» в координации с «социально неудовлетворенными группами граждан» нарушило не только ее право на уважение частной жизни, но и право на свободу собраний.

## Процессуальные злоупотребления

МПГПП запрещает злоупотребление судебным разбирательством с целью запугивания, дискриминации или наказания людей за реализацию их прав. Комитет ООН по правам человека, например, определил, что задержание на основании журналистской и правозащитной деятельности нарушает право на свободу и личную неприкосновенность, защищаемое статьей 9(1).<sup>243</sup>

Статья 18 ЕКПЧ прямо защищает от злоупотребления процедурами: «Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены». Статья 18 может применяться только в сочетании с одним или несколькими основными правами, определенными в Конвенции<sup>244</sup>, и устанавливает, что такие права не могут ограничиваться для достижения ненадлежащих или скрытых целей, включая запугивание, наказание и подавление инакомыслия.<sup>245</sup>

---

<sup>241</sup> Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 37, док. ООН CCPR/C/GC/37, 23 июля 2020 года, п. 6.

<sup>242</sup> Там же, п. 33.

<sup>243</sup> Комитет по правам человека, «Хаджиев и Мурадова против Туркменистана», док. ООН CCPR/C/122/D/2252/2013, 2018, п. 7.7.

<sup>244</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Гусинский против Российской Федерации», прил. № 70276/01, 19 мая 2004 г., п. 73.

<sup>245</sup> См. там же, пп. 76-78; Европейский суд по правам человека, «Чеботарь против Молдовы», прил. № 35615/06, 13 ноября 2007 г., п. 53; Европейский суд по правам человека, «Мерабишвили против Грузии», прил. № 72508/13, 28 ноября 2017 г., п. 353; Европейский суд по правам человека, «Луценко против Украины», прил. № 6492/11, 1 августа 2012 г., п. 109; Европейский суд по правам

При оценке того, сопровождается ли судебное разбирательство ненадлежащими мотивами, Европейский суд по правам человека рассматривает косвенные доказательства, в том числе: политический контекст, в котором было возбуждено уголовное дело<sup>246</sup>; был ли суд независимым от органов исполнительной власти<sup>247</sup>; была ли за обвинениями «политическая подоплека»<sup>248</sup>; предпринимали ли власти действия против заявителя несмотря на «растущее осознание властями того, что соответствующая практика несовместима со стандартами Конвенции»<sup>249</sup>; были ли у обвинения обоснованные подозрения, чтобы предъявить обвинения<sup>250</sup>; как проводилось уголовное разбирательство<sup>251</sup>; было ли окончательное решение обоснованным и законным.<sup>252</sup>

В делах по статье 18 ЕКПЧ суд также постановил, что неправомерный мотив должен быть не единственной, а преобладающей целью обвинения: другими словами, даже преследование, имеющее законную цель, может быть признано незаконным из-за скрытого мотива.<sup>253</sup>

Постановление Большой палаты Европейского суда по делу *Навальный против России* содержит современные рекомендации по злоупотреблениям в контексте российских условий. Установив, что неоднократные аресты и задержания Навального нарушали его право не подвергаться произвольному задержанию и

---

человека, «Тимошенко против Украины», прил. № 49872/11, 22 мая 2013 г., п. 299; Европейский суд по правам человека, «Маммадов против Азербайджана», прил. № 15172/13, 22 мая 2014 г., п. 143; Европейский суд по правам человека, «Маммадли против Азербайджана», прил. № 47145/14, 19 апреля 2018 г., пп. 104–05; Европейский суд по правам человека (Большая палата), «Навальный против Российской Федерации», прил. № 29580/12, 15 ноября 2018 г., пп. 175–76.

<sup>246</sup> Европейский суд по правам человека, «Руководство по статье 18 Европейской конвенции по правам человека, пределы использования ограничений в отношении прав», 31 августа 2018 г., п. 85. Доступно по адресу: [https://www.echr.coe.int/Documents/Guide\\_Art\\_18\\_ENG.pdf](https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_18_ENG.pdf) (цитата из дела «Мерабишвили против Грузии», прил. № 72508/13, 28 ноября 2017 г., п. 322; Европейский суд по правам человека, «Ходорковский против Российской Федерации», прил. № 5829/04, 31 мая 2011 г., п. 257; Европейский суд по правам человека, «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации», прил. № 11082/06 и 13772/05, 25 июля 2013 г., п. 901; Европейский суд по правам человека, «Настасе против Румынии», прил. № 80563/12, 11 декабря 2014 г., п. 107; Европейский суд по правам человека, «Расул Джафаров против Азербайджана», прил. № 69981/14, 17 марта 2016 г., пп. 159–61; Европейский суд по правам человека, «Маммадли против Азербайджана», прил. № 47145/14, 19 апреля 2018 г., п. 103; Европейский суд по правам человека, «Рашад Гасанов и другие против Азербайджана», прил. № 148653/13, 7 июня 2018 г., п. 124).

<sup>247</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Мерабишвили против Грузии», прил. № 72508/13, 28 ноября 2017 г., п. 324.

<sup>248</sup> См. там же, п. 320.

<sup>249</sup> Европейский суд по правам человека (Большая палата), «Навальный против Российской Федерации», прил. № 29580/12, 15 ноября 2018 г., п. 171.

<sup>250</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Ходорковский против Российской Федерации», прил. № 5829/04, 31 мая 2011 г., п. 258; Европейский суд по правам человека, «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации», прил. № 11082/06 и 13772/05, 25 июля 2013 г., п. 908.

<sup>251</sup> Европейский суд по правам человека (Большая палата), «Навальный против Российской Федерации», прил. № 29580/12, 15 ноября 2018 г., п. 171.

<sup>252</sup> Европейский суд по правам человека, «Настасе против Румынии», прил. № 80563/12, 11 декабря 2014 г., п. 108.

<sup>253</sup> Европейский суд по правам человека, «Мерабишвили против Грузии», прил. № 72508/13, 28 ноября 2017 г., пп. 292–308.

право на мирные собрания (в дополнение к его праву на справедливое судебное разбирательство), суд пришел к выводу, что власти имели скрытые цели: в частности, что разбирательство было направлено на то, чтобы помешать Навальному участвовать в политическом процессе.<sup>254</sup> В соответствии с прецедентом суд сослался на такие признаки, как случаи преследования членов политической оппозиции, отсутствие обоснований для некоторых арестов, некорректное ведение разбирательства в отношении Навального и очевидное преследование именно Навального среди лиц, находящихся в аналогичной ситуации.<sup>255</sup> Как отметил суд, «должно быть достигнуто равновесие, которое обеспечивает справедливое и надлежащее обращение с людьми, принадлежащими к меньшинствам и избегает злоупотребления доминирующим положением».<sup>256</sup>

Политическая обстановка, в которой Шевченко подверглась судебному преследованию, слабая аргументация судебных постановлений о применении к ней домашнего ареста и мерах негласного наблюдения, способ проведения судебного разбирательства и отсутствие обоснований для обвинительного приговора суда — все это свидетельствует о том, что процесс был направлен на то, чтобы заставить ее замолчать и наказать за ее политическую активность, а не на законное уголовное преследование с целью обеспечения общественного порядка и безопасности.

Что касается политического контекста и потенциальной политической подоплеки судебного разбирательства, разбирательство по делу Шевченко проходило в атмосфере усиления репрессий против инакомыслия и политической оппозиции со стороны российских властей, как описано в разделе Обстоятельства дела. Особенно преследовались активисты, связанные с ОСД «Открытая Россия». Сама Шевченко — видный активист и откровенный критик президента Путина, которая своей работой прямо стремилась добиться смены правительства с помощью демократических процедур. Ее политическая деятельность, будь то участие в протестах или выступления на конференциях, играла центральную роль в судебном процессе, и не было представлено никаких доказательств того, что действия Шевченко угрожали общественному порядку или создавали какую-либо опасность. Кроме того, как обсуждалось выше, многочисленные организации задокументировали тесное взаимодействие российской судебной системы с исполнительной властью и ее соответствие политическому вектору исполнительной власти, о чем свидетельствует низкий уровень оправдательных приговоров по политическим делам.

Ход разбирательства также предполагает скрытую цель. Как указывалось выше, отсутствовали разумные основания для двухлетнего домашнего ареста Шевченко: обвинение не представило конкретных доказательств того, что она могла бы

---

<sup>254</sup> Европейский суд по правам человека (Большая палата), «Навальный против Российской Федерации», прил. № 29580/12, 15 ноября 2018 г., пп. 174–76.

<sup>255</sup> Там же, пп. 167–76.

<sup>256</sup> Там же, п. 175.

скрыться, попытаться вмешаться в ход разбирательства или совершить другие преступления. Суровые условия домашнего ареста, в том числе неоднократный отказ Шевченко в возможности навестить ее умирающую дочь, предполагают использование этой формы лишения свободы в качестве меры наказания, а не меры пресечения. Более того, использование властями тайного наблюдения за Шевченко и ее семьей в течение почти пяти месяцев превышало любую разумную пользу для уголовного разбирательства, помимо того, что являлось грубым нарушением права на уважение частной жизни. Эти обстоятельства указывают на наличие процессуальных злоупотреблений.

Дополнительным показателем ненадлежащих мотивов обвинений стал окончательный приговор Шевченко. Хотя суд постановил считать условным назначенное ей наказание в виде четырех лет лишения свободы, он установил четырехлетний испытательный срок, в течение которого, среди прочего, Шевченко не может участвовать в массовых или общественных мероприятиях, таких как акции протеста. И снова цель разбирательства очевидна: Шевченко не может заниматься многими видами деятельности, которые ранее были важной частью ее политической активности в ОСД «Открытая Россия», например, участвовать в протестах, выступать на конференциях и организовывать политические митинги.

Наконец, как обсуждалось в разделе о Презумпции невиновности, отсутствие аргументации в обвинительном приговоре суда также свидетельствует об использовании системы уголовного правосудия в политических целях. Неспособность суда первой инстанции связать действия Шевченко с конкретным преступлением, в котором она обвинялась, в сочетании с полным отказом от доказательств, представленных защитой, предполагает заранее определенный результат, предназначенный для наказания Шевченко, не за уголовное преступление, а за ее политические убеждения и реализацию своих прав.

## **Право на свободу выражения мнения, свободу мирных собраний и свободу объединения**

Каждое из прав на свободу выражения мнения, мирных собраний и объединений надежно защищено МПГПП и ЕКПЧ.<sup>257</sup> Хотя эти права не являются абсолютными, они могут быть ограничены только при определенных обстоятельствах, когда: i) ограничение установлено законом (принцип законности); ii) ограничение преследует законную цель (из числа прямо предусмотренных соответствующими статьями); iii) ограничение необходимо и соразмерно законной цели, которую необходимо достичь.<sup>258</sup>

<sup>257</sup> Статья 19 МПГПП и статья 10 ЕКПЧ (свобода выражения мнения); статья 21 МПГПП и статья 11 ЕКПЧ (свобода мирных собраний и объединений); статья 22 МПГПП и статья 11 ЕКПЧ (свобода объединений).

<sup>258</sup> См. Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 34, док. ООН ССРР / С / GC / 34, 12 сентября 2011 г., п. 22 (об ограничениях права на свободу выражения мнения); Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 37, док. ООН ССРР / С / GC / 37, 17 сентября 2020 г., п. 40 (об ограничении права на свободу собраний); Генеральная Ассамблея, Доклад

Права на свободу выражения мнения, мирных собраний и объединений часто пересекаются в контексте политической активности. И Комитет ООН по правам человека, и Европейский суд подчеркнули фундаментальную важность этих прав для функционирования здорового демократического общества и подчеркнули чрезвычайно ограниченный круг допустимых ограничений.

«Предписано законом», например, относится не только к наличию правовой основы для ограничения, но и к качеству соответствующего закона. Как заявил Комитет по правам человека, соответствующий закон должен «быть достаточно точным, чтобы позволить членам общества определять свое поведение, и не может предоставлять неограниченные или широкие полномочия тем, кому поручено его исполнение».<sup>259</sup> Соответственно, ограничение недопустимо только потому, что оно «разумно или целесообразно»; скорее, оно должно быть действительно необходимым и соразмерным с учетом принципов «демократии, верховенства права, политического плюрализма и прав человека».<sup>260</sup>

В отношении прав на свободу выражения мнений и мирных собраний Комитет заявил, что «особое значение имеет свободный обмен информацией и мнениями по государственным и политическим вопросам между гражданами, кандидатами и избранными представителями народа»<sup>261</sup> и что «[с]обораниям политического характера следует обеспечивать условия и защиту повышенного уровня»<sup>262</sup> из-за особенно важного статуса политической жизни. С этой целью Комитет подчеркнул, что никакое ограничение мирных собраний не должно «использоваться, прямо или косвенно, для подавления выражения политической оппозиции тому или иному правительству, вызовов в адрес властей, включая призывы к демократическим изменениям в государственном управлении, конституции или политической системе»<sup>263</sup>, и никакое ограничение свободы слова не должно использоваться «для запрещения порочения чести и репутации должностных лиц или органов власти».<sup>264</sup>

Комитет применяет ту же логику к свободе объединений. При толковании статьи 22, права на свободу объединений, Комитет заявил, что «существование и деятельность объединений, в том числе тех, которые мирно продвигают идеи, не обязательно одобряемые правительством или большинством населения, являются

---

Специального докладчика по правам на свободу мирных собраний и ассоциаций, док. ООН A / HRC / 20/27, 21 мая 2012 г., п. 75 (об ограничении права на свободу объединения). См. Также Европейский суд по правам человека, «Примов и другие против России», прил. № 17391/06, 12 июня 2014 г., п. 121 (относительно статьи 11)

<sup>259</sup> Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 37, док. ООН CCPR/C/GC/37, 23 июля 2020 года, п. 39.

<sup>260</sup> Там же, п. 40.

<sup>261</sup> Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 34, док. ООН CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г., п. 20.

<sup>262</sup> См. Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 37, док. ООН CCPR/C/GC/37, 23 июля 2020 года, п. 32.

<sup>263</sup> См. там же, п. 49.

<sup>264</sup> См. там же. См. также Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 34, док. ООН CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г., п. 38.



краеугольным камнем любого демократического общества».<sup>265</sup> Таким образом, Комитет определил, что отказ правительства зарегистрировать правозащитную организацию и последующее уголовное обвинение соучредителя организации по обвинению в уклонении от уплаты налогов (за ведение банковского счета с выделенными средствами для организации, несмотря на то, что организация не была зарегистрирована), нарушил его право на свободу объединений.<sup>266</sup>

Точно так же Европейский суд подчеркнул важность защиты политической активности в контексте прав на свободу выражения мнений, объединений и мирных собраний; «связь между статьей 10 [свобода выражения мнения] и статьей 11 [свобода собраний и объединений] особенно актуальна, когда власти вмешиваются в право на свободу мирных собраний в ответ на взгляды или заявления, сделанные участниками собраний или членами объединения».<sup>267</sup>

Таким образом суд осудил использование уголовного преследования для подавления прав, закрепленных в статьях 10 и 11. Как заявил суд, критика правительства, в том числе посредством распространения информации, которую руководство страны рассматривает как «угрожающую национальным интересам», не должна приводить к «уголовным обвинениям», например, в терроризме, попытке свержения правительства или угрозе конституционного строя.<sup>268</sup> Кроме того, когда такие обвинения предъявляются за выступления, суд отмечает: «Предварительное заключение любого, кто выражает критические взгляды, имеет ряд неблагоприятных последствий как для самих задержанных, так и для общества в целом, поскольку применение меры пресечения в виде лишения свободы ... неизбежно окажет сдерживающее воздействие на свободу выражения мнения и приведет к запугиванию гражданского общества и подавлению несогласных».<sup>269</sup> В таких обстоятельствах, например, когда журналист содержался под стражей до суда по обвинению в терроризме за публикацию статей, критикующих правящее правительство, суд установил, что власти нарушили право на свободу выражения мнения согласно статье 10.<sup>270</sup>

Соответственно, суд постановил, что термин «ограничение» в контексте свободы мирных собраний относится не только к вмешательству в ход текущего собрания, но и к санкциям в отношении участников после его завершения.<sup>271</sup> Суд установил нарушение права на мирные собрания согласно статье 11, когда существует «четкая и признанная связь» между законным осуществлением права на свободу

---

<sup>265</sup> См. Комитет по правам человека, «Пинчук против Беларуси», док. ООН ССРР/С/112/Д/2165/2012, 17 ноября 2014 г., п. 8.4.

<sup>266</sup> См. там же, п. 8.6.

<sup>267</sup> Европейский суд по правам человека, «Примов и прочие против Российской Федерации», прил. № 17391/06, 12 июня 2014 г., п. 92.

<sup>268</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Сахин Алпай против Турции», прил. № 16538/17, 20 марта 2018 г., п. 181.

<sup>269</sup> Там же, п. 182.

<sup>270</sup> Там же, пп. 32 (с описанием статей, опубликованных заявителем), 183.

<sup>271</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Езелин против Франции», прил. № 11800/85, 26 апреля 1991 г., п. 39.

мирных собраний и карательной реакцией правительства, включая аресты, задержания и предъявление обвинений участникам.<sup>272</sup> В отношении свободы объединений суд заявил: «Тот факт, что политическая программа организации [считается] несовместимой с текущими принципами и структурами ... государства, не делает ее несовместимой с правилами и принципами демократии. Сущность демократии заключается в том, чтобы предлагать и обсуждать различные политические программы, даже те, которые ставят под сомнение нынешнюю организацию государства, при условии, что они не наносят вред самой демократии».<sup>273</sup> Таким образом, ограничения для объединений, основанные на их отклонении от утверждений правящей партии, не соответствуют праву на свободу объединений, закрепленному в статье 11.<sup>274</sup>

На этом фоне уголовное преследование и приговор Шевченко представляют собой серьезное нарушение ее прав на свободу выражения мнений, мирных собраний и объединений.

Во-первых, закон «О нежелательных организациях» недостаточно точен, что противоречит требованию законности. Как отмечалось выше, термин «нежелательный» определен слишком расплывчато – как угроза обороне, безопасности или конституционному порядку России. Какие-либо дополнительные указания отсутствуют, и Генеральная прокуратура сама решает, действительно ли организация является нежелательной. Процедуры, сопровождающие такое определение, также полны неопределенности. Как подробно обсуждалось выше, разные организации могут иметь похожие названия, а список «нежелательных» организаций на веб-сайте Министерства юстиции не содержит четких характеристик для их идентификации, например, регистрационных номеров. Эта путаница нашла свое отражение в деле Шевченко, в котором на веб-сайте Министерства юстиции указаны две организации с названием «Open Russia», представитель Генеральной прокуратуры впоследствии заявил, что на ОСД «Открытая Россия» это не повлияет, но власти, в конечном итоге, преследовали Шевченко за ее связь с ОСД «Открытая Россия». Таким образом, закон о нежелательных организациях и соответствующие процедуры настолько расплывчаты, что не позволяют «членам общества решать, как регулировать свое поведение» и предоставляют «неограниченные или широкие полномочия тем, кому поручено их исполнение».<sup>275</sup> Как показывает дело Шевченко, это делает закон уязвимым для злоупотреблений, в частности, правами на свободу выражения мнений, свободу объединений и свободу мирных собраний.

<sup>272</sup> См. Европейский суд по правам человека, «Навальный и Яшин против Российской Федерации», прил. № 76204/11, 4 декабря 2014 г., п. 52.

<sup>273</sup> Европейский суд по правам человека, дело Объединенной македонской организации Илинден-Пирин и других против Болгарии, прил. № 59489/00, 20 октября 2005 г., п. 61.

<sup>274</sup> Там же, пп. 61–63.

<sup>275</sup> Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 37, док. ООН CCPR/C/GC/37, 23 июля 2020 года, п. 39.

Во-вторых, не похоже, чтобы у властей была законная цель для преследования и осуждения Шевченко. Хотя Октябрьский районный суд постановил, что своими действиями Шевченко намеревалась «посягнуть на основы конституционного строя и безопасности государства, создав угрозу для защиты интересов граждан России»<sup>276</sup>, он так и не объяснил, как именно Шевченко пыталась подорвать государственную безопасность и порядок помимо участия в стандартной оппозиционной деятельности. Аналогичным образом, в своем изложении дела обвинение не утверждало, что Шевченко планировала конкретные акты насилия против государства, подстрекала или участвовала в актах насилия против государства или иным образом участвовала в сговоре с целью свержения действующих органов власти вне процедур, установленных законодательно. Конкретные действия, которые легли в основу уголовного обвинения Шевченко, заключались в следующем: i) участие во встрече, на которой она рассказала о ненасильственной гражданской деятельности ОСД «Открытая Россия», ii) поднятие флага с политическим посланием («#НАДОЕЛ») на мирном политическом митинге, санкционированном властями. Эти действия соответствовали заявленным целям и деятельности ОСД «Открытая Россия», а именно: осуществлению социальных изменений с помощью мирных демократических процессов. Учитывая характер действий, в которых участвовала Шевченко, и отсутствие объяснений или даже заявлений касательно ее участия в актах насилия, направленных против государства, и/или попыток свергнуть действующее руководство страны, можно сделать вывод о том, что целью ее преследования было наказать Шевченко за ее оппозиционную деятельность.

В-третьих, преследование Шевченко нарушило требования необходимости и пропорциональности. Как обсуждалось выше, политические выступления и активность высоко ценятся как в МПГПП, так и в ЕКПЧ из-за их фундаментальной важности для выживания демократии. Без доказательств того, что действия Шевченко могли причинить вред, очевидно, что ограничение ее участия в общественном диалоге и демократических процессах, а именно тех типов высказываний и собраний, которые призваны защищать МПГПП и ЕКПЧ, не было ни необходимым, ни соразмерным.

Возбудив уголовное дело против Шевченко и осудив ее за участие в политических выступлениях, включая длительное заключение под домашним арестом, российское правительство нарушило ее право на свободу выражения мнения в соответствии со статьей 19 МПГПП и статьей 10 ЕКПЧ.

Судебный процесс также представляет собой серьезное нарушение права Шевченко на свободу мирных собраний. Преследуя Шевченко и осудив ее, несмотря на ненасильственный характер собрания и политического митинга ОСД «Открытая Россия», суд нарушил утверждение Комитета по правам человека о том, что правительства не должны подавлять проведение собраний, в том числе путем

---

<sup>276</sup> Октябрьский районный суд Ростова-на-Дону, приговор [по делу Анастасии Шевченко], 18 февраля 2021 г., стр. 50.

судебного преследования участников «прямо или косвенно ... подавлять выражение политической оппозиции тому или иному правительству, вызовы в адрес властей, включая призывы к демократическим изменениям в государственном управлении, конституции или политической системе». И снова реакция властей не была ни необходимой, ни соразмерной.

Наконец, обвинение вмешалось в право Шевченко на ассоциацию – на участие в объединении ОСД «Открытая Россия», в нарушение статьи 22 МПГПП и статьи 11 ЕКПЧ. То, что Шевченко и ОСД «Открытая Россия» не связаны с российскими органами власти, не оправдывает вмешательства в их деятельность. Напротив, Комитет по правам человека неоднократно подчеркивал, что объединения, «которые мирно продвигают идеи, не обязательно одобряемые правительством или большинством населения», прямо защищены МПГПП и необходимы для нормального функционирования любого демократического общества.<sup>277</sup>

---

<sup>277</sup> См. Комитет по правам человека, «Пинчук против Беларуси», док. ООН ССРР/С/112/Д/2165/2012, 17 ноября 2014 г., п. 8.4.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ОЦЕНКА



На протяжении всего уголовного преследования Шевченко за нарушение Закона «О нежелательных организациях» она сталкивалась с грубыми нарушениями ее прав, гарантированных МПГПП, ЕКПЧ и другими международными договорами и документами. Ее домашний арест явно представлял собой произвольное и незаконное лишение свободы, не имеющее обоснования и превышающее максимальный срок домашнего ареста в ходе предварительного следствия, предусмотренный российским законодательством. Постоянное и интрузивное наблюдение за Шевченко, которому она подвергалась без ее ведома, нарушило ее право на уважение частной и семейной жизни.

Дело против Шевченко демонстрирует отсутствие независимости суда и произвольность принятия решений в российской правовой системе. Вместо того, чтобы запросить конкретные, индивидуальные доказательства с целью корректной оценки того, почему домашний арест или негласное наблюдение были разумными и необходимыми в данных обстоятельствах, в каждом случае суды использовали стереотипные и абстрактные обоснования, часто повторяя формулировки первоначального решения.

Соответственно, суд, осудивший Шевченко, проигнорировал грубые несоответствия в позиции обвинения, указывая на то, что исход дела был предрешен заранее и что обвинение было просто местью за правозащитную деятельность Шевченко. Учитывая отсутствие объяснений или доказательств предполагаемого участия Шевченко в актах насилия, направленных против государства, и/или попыток свергнуть правительство, можно сделать вывод о том, что целью преследования Шевченко было наказать ее за свои взгляды и действия. Это является нарушением ее права на свободу выражения мнений, свободу мирных собраний и объединений.

С другой стороны, Закон «О нежелательных организациях», *де-факто* криминализирующий НПО и ассоциации, которые расходятся с повесткой дня правящей партии, нарушает эти же права. Закон уже был признан несоответствующим стандартам в области прав человека рядом международных и европейских организаций, о чем говорилось выше. Это лишь один из целого ряда ограничительных законов, принятых в России с 2012 года в рамках подавления гражданского общества.

Весь процесс над Шевченко был направлен на то, чтобы запугать единомышленников и удержать их от аналогичной деятельности по защите общественных интересов, правозащитной деятельности или вызова властям. Это дело отражает масштабы российской правовой системы, целью которой является подавление инакомыслия; системы, которая откровенно игнорирует не только внутренние законы, но и международные и региональные договоры, ратифицированные Россией.

ОЦЕНКА

D

# ПРИЛОЖЕНИЕ



## МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНИВАНИЯ

Эксперты присваивают судебному разбирательству оценку уровня А, В, С, D или F, что отражает их мнение о том, соблюдались ли в судебном разбирательстве, и в какой степени, соответствующие нормы международного права прав человека, учитывая, *inter alia*:

- Серьезность допущенных нарушений;
- Повлияли ли эти нарушения на исход судебного разбирательства;
- Были ли обвинения выдвинуты полностью или частично по неправомерным мотивам, включая политические мотивы, экономические мотивы, дискриминацию, например на основании «расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства»<sup>278</sup>, или в качестве возмездия за правозащитную деятельность (даже если обвиняемый в конечном итоге был оправдан);
- Степень вреда, причиненного обвинениями (включая, но не ограничиваясь тем, был ли обвиняемый несправедливо осужден и, если да, то к какому наказанию он был приговорен; содержался ли обвиняемый необоснованно под стражей до суда, даже если обвиняемый был впоследствии оправдан судом; подвергался ли обвиняемый жестокому обращению в связи с обвинением или судебным разбирательством; и/или насколько пострадала репутация обвиняемого в результате предъявленных обвинений); а также
- Соответствие законодательства и процессуальных норм, в соответствии с которыми обвиняемый был привлечен к ответственности, нормам международного права прав человека.

### Уровни оценивания

- А: Судебный процесс, который, по данным мониторинга соответствовал международным стандартам.
- В: Судебный процесс, который в целом соответствовал соответствующим стандартам в области прав человека, за вычетом незначительных нарушений, когда эти нарушения не повлияли на исход дела и не нанесли существенного вреда.
- С: Судебный процесс, который не соответствовал международным стандартам, но нарушения не повлияли на исход дела и не нанесли существенного вреда.
- D: Судебный процесс, который характеризуется одним или несколькими нарушениями международных стандартов, которые повлияли на исход дела и/или нанесли существенный вред.
- F: Судебный процесс, который повлек за собой грубые нарушения международных стандартов, которые повлияли на исход дела и/или нанесли существенный вред.

<sup>278</sup> МПГПП, ст. 26.